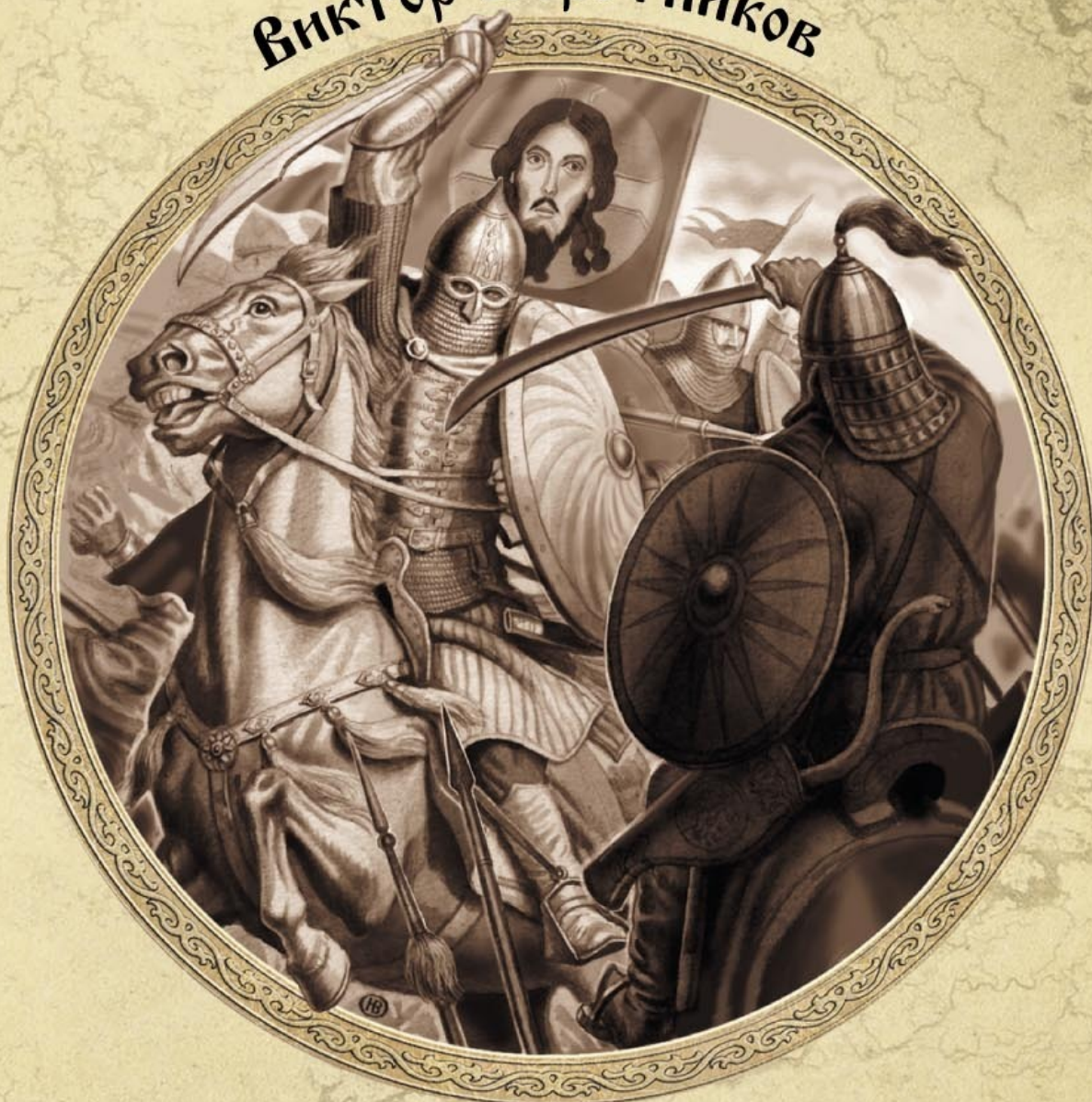

У истоков Руси

Виктор Поротник

Владимир
Храбрый

У истоков Руси

Виктор Поротников
Владимир Храбрый

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Поротников В. П.

Владимир Храбрый / В. П. Поротников — «ВЕЧЕ», 2025 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-5345-8

Русь второй половины XIV века. Владимир, двоюродный брат московского князя Дмитрия, княжит в Серпухове, поклявшись во всем помогать Москве, однако и свою волю имеет. Жениться на некрасивой княжне Марии, даже если это послужит государственным интересам, он не согласен. И помогать Дмитрию в наказании зарвавшегося тверского князя тоже не хочет, считая, что это «против правды». Но вскоре Владимиру становится понятно, кто прав. Поэтому, когда речь заходит о свержении ордынского ига, Владимир всецело поддерживает Дмитрия. Во время Куликовской битвы именно Владимир командовал Засадным полком, решившим исход сражения. За это Владимир и получил прозвище Храбрый.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5345-8

© Поротников В. П., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Мор	6
Глава вторая. Клятва	11
Глава третья. Остей	18
Глава четвёртая. Тверские обиды	20
Глава пятая. «Великая замятня»	22
Глава шестая. Встреча в Бережце	25
Глава седьмая. Тверская княжна	27
Глава восьмая. Пожар	29
Глава девятая. Дело брачное и дело бранное	31
Глава десятая. Свадьба в Коломне	35
Глава одиннадцатая. Борис Константинович	37
Глава двенадцатая. Постылая невеста	38
Глава тринадцатая. Слухи из Твери	41
Глава четырнадцатая. Право и правда	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Поротников

Владимир Храбрый

© Поротников В. П., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Часть первая

Глава первая. Мор

Был год 1364-й...

В ту пору летописец записал в своём труде: «Увы, увы!.. Опять пришла беда на Русскую землю, новый страшный мор обрушился на города и веси. Началось сие бедствие в Муроме и Нижнем Новгороде. В то же лето моровое поветрие перекинулось к Плещееву озеру и ко всем поволжским городам. Люди умирали во множестве и в Ростове, и в Твери, и в Рязани, и во Владимире... В Москве каждый день погребали до ста пятидесяти душ. От сего мора обезлюдели Переяславль-Залесский, Дмитров, Суздаль, Стародуб... И бысть скорбь по всей земле Русской, ибо деревни опустели, поля травой заросли, многие доселе людные места обратились в пустоши. Тяжко и горестно излагать о сём, бывала ли где-либо столь жуткая напасть?..»

...В Москве траурно гудят колокола. Возле белокаменного Архангельского собора, устремившего в хмурое декабрьское небо золочёные кресты и купола, толпится небогатый московский люд. Вся местная знать собралась под высокими гулками сводами храма, люди стоят со скорбными лицами, с зажжёнными свечами в руках. Хор монахинь протяжно и заунывно оглашает тяжёлую давящую тишину пением заукойной стихиры «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...»

Идёт отпевание великой княгини Александры Васильевны, безвременно скончавшейся от тяжкого недуга.

Заукойную литургию служит сам митрополит Алексей, семидесятилетний старец с длинной седой бородой. Усопшая княгиня при жизни пользовалась особым расположением митрополита Алексея, который удостоился столь высокого церковного сана благодаря стараниям её мужа – великого князя Ивана Красного. Супруг Александры Васильевны умер пять лет тому назад, и прах его ныне покоится в одном из боковых приделов Архангельского собора рядом с погребениями его отца и двух братьев.

После смерти Ивана Красного великим московским князем стал девятилетний Дмитрий Иванович, коему ныне исполнилось четырнадцать лет.

В толпе простонародья звучат негромкие голоса, люди делятся друг с другом невесёлыми новостями, топчась на месте и поёживаясь на холодном ветру.

– Слышал, сосед? – молвит плечистый бородач в длинном овчинном тулупе, обращаясь к низкорослому мужичку в шубе из собачьих шкур, с высоким меховым колпаком на голове. – Купец Абросим помер вчерась повечеру.

– Да ну?! – изумлённо воскликнул мужичок в колпаке. – Он же был здоровенный детина!

– Истинно тебе говорю, – продолжил бородач, издав печальный вздох. – У него железа вспухла на шее, потом его в сильный жар бросило. Так он промаялся с утра до ночи, а на другой день его кровавый кашель стал мучить. Лекарь вечером пришёл к нему, а бедняга Абросим уже отдал Богу душу.

– Жена моя так же помирала, – вступил в разговор оружейник Онфим, известный своим мастерством всему московскому посаду. – Сначала у неё какая-то шишка появилась на бедре, затем ломота-огневица её скрутила. Два дня она, сердешная, в жару металась. Потом кровь у неё хлынула изо рта... – Онфим скорбно покачал головой в лохматой шапке. – Лекарь как

увидел кровотечение, даже подходить к моей Авдотьице отказался. Иди, говорит, за священником, мол, я тут уже бессилён. Так жёнушка моя и скончалась спустя час после ухода лекаря.

– Боярские жёны говорят, что великая княгиня иначе помирала, – делилась слухами вездесущая торговка Арефия. Её голова была повязана тёмным траурным платком, поверх которого возвышалась тёмно-красная парчовая шапка с меховой опушкой. – Когда челядинки обмывали тело усопшей великой княгини, то они не увидели на нём ни красных пятен, ни распухших желёз. Хворала великая княгиня дней семь или восемь, причём не было у неё ни жара, ни кровавого кашля. Наоборот, сильный озноб её одолевал. Дело вроде бы на поправку пошло, но заснула однажды великая княгиня и не проснулась. – Арефия всхлипнула и осенила свой лоб крестным знаменем.

Едва Арефия умолкла, как несколько человек заговорили разом, обсуждая признаки моровой язвы, вот уже полгода косившей народ в Москве и её окрестностях. Действительно, эта неведомая хворь, поражая людей, проявлялась по-разному. Кто-то из больных метался в сильном жару, а на кого-то наваливался озноб. У одних на теле выступали шишки и язвы, у других тело оставалось чистым. К кому-то смерть приходила вместе с кровавым кашлем, а иные умирали от судорог либо в сыром поту, либо в крупной дрожи.

Делясь впечатлениями от всего увиденного и услышанного, ремесленники и торговцы не забыли упомянуть и о том, что все лекари-иноземцы разбежались из Москвы, а местные врачеватели совершенно бессильны перед этим ужасным моровым поветрием.

– Князь Дмитрий запретил хоронить умерших от мора в стенах Москвы, всех покойников вывозят за город, – вставил каменщик Гурьян, опасливо понизив голос. – Однако ж прах своего младшего брата князь Дмитрий захоронил в усыпальнице Архангельского собора. Там же, как видно, будет погребена и мать князя Дмитрия.

– А нам-то что от этого? – пожал широкими плечами оружейник Онфим. – Нас, сермяжников, всё едино в сей собор не пускают. Туда вход открыт токмо князьям да боярам.

– Так ведь князья-бояре и по Москве шастают, вот в чём дело, – тем же опасливым голосом заметил сивоусый Гурьян. – Я считаю, привилегии могут быть лишь у живых, а мертвецам они ни к чему. Иначе эту страшную заразу нам будет не искоренить вовек!

Никто не возразил Гурьяну, никто не одобрил сказанное им. Толпа вдруг заволновалась и раздалась в стороны, образовав широкий проход.

По этому живому коридору к главным вратам Архангельского собора быстрым шагом прошествовали пятеро гридней в одинаковых тёмно-синих полушубках, в жёлтых сапогах и в голубых шапках, отороченных рыжим лисьим мехом. За гриднями проследовал юный отрок лет одиннадцати в бордовом атласном опашне, подбитом мехом, в красных сапожках с загнутыми носками, в красной княжеской шапке с собольей опушкой. За юным княжичем поспешала молодая статная женщина в длинном лиловом платье до пят, поверх которого была наброшена тёплая, расшитая узорами ферезея с длинными откидными рукавами. Голова женщины была укутана тёмным покрывалом и покрыта круглой бархатной шапочкой с опушкой из меха горностая.

– Кто это такие? – прошептал Гурьян, слегка толкнув локтем оружейника Онфима. – Не иначе, какая-то боярыня с сыном?

– Это княжич Владимир, двоюродный брат князя Дмитрия, – тихо ответил оружейник, наклонившись к самому уху Гурьяна. – За ним следом идёт его мать, вдовствующая княгиня Мария Ивановна. По завещанию Ивана Красного княжичу Владимиру достался в удел град Серпухов, что на Наре-реке. От Москвы до Серпухова вёрст восемьдесят, не меньше. Дороги нынче шибко снегом замело, потому, видать, княжич Владимир с матушкой и припозднились.

Гроб с телом почившей великой княгини был установлен на двух скамьях в среднем нефе храма напротив Царских врат. Покойница лежала с бледным открытым лицом, голова её была обращена к востоку, а ноги – в сторону алтаря. На аналое, слева от гроба с усопшей

княгиней, стояла икона Богородицы в позолоченном окладе. Рядом на круглом бронзовом столике-кануне стояло большое серебряное блюдо с кутьёй, взваром из риса и пшеницы с изюмом. В эту густую поминальную кашу была воткнута горящая восковая свеча.

Хор монахинь уже пропел до конца заупокойные стихиры, когда княжич Владимир и его мать вошли в храм и, стараясь не топтать сапогами, направились к одинокой фигуре молодого князя Дмитрия в длинном чёрном плаще, застывшего с поникшей головой в двух шагах от гроба.

Бояре, их жёны и дети, игумены и игуменьи, монахи и монахини, дружинники княжеские и боярские, вельможи из княжеской свиты и вся княжеская чадь столпились в боковых нефках, на хорах и в центральном нефке, между четырьмя массивными каменными столпами, на которых покоился огромный главный купол храма, расписанный изнутри звёздами и крылатыми ангелами. Бледный свет холодного декабрьского солнца проливался в узкие окна каменного центрального барабана, образуя над головами множества людей некое подобие таинственного сияния, пронизанного сладковатым ароматом ладана.

Дружинники, монахи и боярские жёны почтительно расступились, освободив узкий проход для княгини Марии Ивановны и её сына. Площадка перед Царскими воротами была обнесена невысоким ограждением из витых медных прутьев. Доступ на эту площадку, где был установлен гроб с телом великой княгини, на время заупокойной литургии был воспрещён всем, кроме князя Дмитрия, который стоял у изголовья почившей матери, то и дело утирая слёзы с глаз.

Имовитые бояре Вельяминовы, родные братья усопшей великой княгини, – их было четыре брата, – посторонились, не смея задержать княжича Владимира и его мать, видя их намерение занять место рядом с князем Дмитрием. Братьям Вельяминовым было ведомо, что князь Дмитрий ещё два дня тому назад послал гонца в Серпухов, с той поры нетерпеливо ожидая приезда двоюродного брата и его матери.

– Прости, брате, что с опозданием прибыл я на твой зов, – негромко проговорил княжич Владимир, обнявшись с Дмитрием. – Гонец твой угодил в метель, поэтому заплутал малость. Лишь вчера в полдень добрался он до Серпухова со скорбной вестью.

Дмитрий молча кивал головой, давая понять Владимиру, что он с пониманием относится к этому непредвиденному обстоятельству, а потому не сердится на него.

Княгиня Мария Ивановна прижала к себе Дмитрия, не сдерживая своих рыданий.

Юный русоголовый послушник в длинной серой рясе из свиты митрополита протянул зажжённые свечи княжичу Владимиру и его матери. Владимир взял свечу с печалью на челе, он выглядел уставшим после долгой езды верхом. Мария Ивановна роняла горькие слёзы, которые градом катились по её обветренным щекам; её рука, принявшая тонкую свечку, заметно дрожала.

Между тем митрополит Алексей громко и нараспев читал евангельские блаженства, чередуя их с краткими прошениями к Господу о милости к усопшей великой княгине. Толстую Библию держал перед митрополитом один из дьяконов, в то время как другой дьякон аккуратно переворачивал страницы.

После чтения евангельских блаженств митрополит Алексей прочёл чуть осипшим от долгого напряжения голосом особую молитву, именуемую разрешительной. Смысл этой молитвы в том, что ею священник как бы освобождает умершего от бывших на нём запрещений и епитимий за грехи, в которых он успел раскаяться. Эту заключительную молитву владыка Алексей прочёл, приблизившись к смертному одру усопшей великой княгини.

Едва митрополит умолк и отошёл к иконостасу, как все присутствующие на заупокойном молебне стали гасить свечи и длинной-длинной чередой потянулись ко гробу для прощания с почившей великой княгиней.

В толпе знати слышались женские горестные вздохи и рыдания. Мужчины подавленно молчали. Лишь боярин Михайло Угрин обронил со скорбью в голосе: «Ах, горе, горе! И трёх месяцев не минуло, как схоронил князь Дмитрий младшего брата. И вот выпала Дмитрию ещё более тяжкая стезя – родную мать погребать...»

* * *

На заупокойной трапезе по правую руку от Дмитрия восседали княжич Владимир и его мать, по левую руку от него сидела вдовствующая княгиня Мария Александровна, доводившаяся Дмитрию и Владимиру тёткой. Когда в Москве княжил Симеон Гордый, тогда Мария Александровна считалась великой княгиней, так как она являлась его женой. Симеон Гордый умер одиннадцать лет тому назад во время чумного поветрия, пришедшего в Москву вместе с купеческими караванами из Пскова и Новгорода. Тогда же умер и младший брат Симеона, Андрей Иванович, отец княжича Владимира.

Для княгини Марии Александровны тот чумной год оказался вдвойне горек, поскольку она потеряла не только мужа, но и двоих малолетних сыновей. Симеон Гордый скончался, оставив жену беременной. Родив очередного сына, уже будучи вдовой, Мария Александровна пестовала и лелеяла этого ребёнка, надеясь, что он со временем станет правителем, достойным славы своего грозного отца. Увы, надежды Марии Александровны рассыпались в прах, ибо последний отпрыск Симеона Гордого умер от болезни, не дожив и до трёх лет.

Вокняжившийся в Москве Иван Красный, средний брат Симеона Гордого, оказывал вдовствующей Марии Александровне почёт и уважение. По завещанию Симеона Гордого во владение Марии Александровны перешли города Можайск и Коломна, не считая тридцати сёл, разбросанных по берегам Москвы-реки.

Схоронив своего последнего сына, Мария Александровна осталась одинокой горлицей на сухой ветке, у пустого гнезда. Она добровольно уступила Ивану Красному град Коломну и все сёла вокруг него. Когда скончался Иван Красный, то Марии Александровне пришлось откаться и от Можайска в пользу своего племянника Дмитрия, ставшего великим московским князем. Мария Александровна пошла на это под давлением братьев Вельяминовых, старший из которых, Василий Вельяминов, и по сей день состоит тысяцким в Москве, то есть возглавляет городское ополчение, являясь правой рукой князя Дмитрия.

Мария Александровна происходила из тверского великокняжеского рода, её отец, дядя и дед приняли в разные годы мученическую смерть в Орде. Соперничество между Москвой и Тверью за преобладающее главенство на Руси тянется много-много лет. Было время, когда Тверь была богаче и сильнее Москвы. Однако, начиная с правления Ивана Калиты, Москва заняла первенствующее положение среди русских княжеств. Иван Калита был хитёр и изворотлив, он часто ездил в Орду, задабривая своей угодливостью и дарами хана Узбека. При Калите татары разорили только Тверь, но не тронули прочие русские города. После того ужасного погрома Тверь до сих пор не может оправиться, хотя прошло уже почти сорок лет. Давно отошли в мир иной Иван Калита и хан Узбек... Нет в живых уже и сыновей Узбековых. И сыновья Ивана Калиты тоже умерли один за другим. Прибрал злой рок и внуков Ивана Калиты, скосила их чума и моровая язва. Из всего мужского Калитина рода в живых оставались покуда четырнадцатилетний Дмитрий, сын Ивана Красного, и одиннадцатилетний Владимир, сын Андрея Ивановича.

В разгар тризны в гриднице появились трое дружинников, одетых по-дорожному, они привели коротконового, довольно тучного вельможу с чёрными волосами до плеч, с прямым благородным носом, с большими красивыми глазами, тёмными, как маслины. Вельможа был одет во фряжские одежды из добротного гентского сукна. На нём была чёрная куртка-котарди, напоминавшая рыцарскую «рубашку», надеваемую под доспехи. Рукава у этой куртки были

лишь до локтя, причём их обшлага свисали почти до колен. Эти обшлага назывались «языками», поскольку изнутри они были красного цвета. Из-под куртки торчал нижний край замшевого жакета, к которому крепились завязками на бёдрах облегающие штаны из мягкой шерстяной ткани. Такой жакет фряги и франки называют жипоном. На ногах у вельможи были подбитые мехом полусапоги с загнутыми голенищами и очень узким носком.

– Вот, княже, – один из гридней грубо толкнул в спину черноволосого коротышку, так что тот упал на колени, – мы настигли его на Коломенской дороге. Он едва не улизнул за Оку, в земли Рязанского княжества.

– Это было при нём, – добавил другой дружинник, положив на стол перед князем Дмитрием кинжал в ножнах, кожаный кошель с деньгами, образок с ликом Богородицы, две пары перчаток, круглое бронзовое зеркало на тонкой ручке и небольшой ларец из красного дерева.

Всё это гридень вынул из холщового мешка.

Третий дружинник молча швырнул на пол рукавицы, парчовую круглую шапку с длинным белым пером и фиолетовую мантию с рукавами, подбитую беличьим мехом. Это всё было снято с пленника в теремных сенях.

– Ну, здравствуй, мэтр Джакомо! – промолвил князь Дмитрий среди воцарившейся тишины. – Куда же ты поспешал в такую пургу? Неужели к рязанскому князю Олегу восхотел переметнуться? Али мало я тебе платил за твоё лекарское искусство? А может, ты обиду на меня затаил? Отвечай честь по чести!

Джакомо с кряхтением поднялся с колен и, отвесив поклон, промолвил:

– Прости, княже. Совестно мне стало глядеть тебе в очи, ибо чёрная смерть гуляет по Москве, а я не в силах справиться с этой бедой. Вот я и решил...

– Сбежать от меня ко князю Олегу Рязанскому. Так? – вставил Дмитрий, холодно взирая на лекаря.

– Нет, княже, в Рязани я не собирался задерживаться, ведь там тоже мор свирепствует, – ответил Джакомо. – Я хотел добраться до Крыма Донским степным шляхом. По слухам, там нет никакого чёрного моря.

Лекарь-фряг хорошо говорил по-русски, хотя в его речи был замечен иноземный акцент.

– Мэтр Джакомо, ты лечил от тяжкого недуга моего младшего брата и не вылечил, – суровым голосом произнёс Дмитрий. – Потом ты взялся врачевать мою больную мать, которую в конце концов тоже пришлось отпевать и погребать. Взяв с меня немалые деньги, ты всё же не спас от смерти ни мою мать, ни моего брата Ивана. Мало того, ты ещё и решился сбежать из Москвы с деньгами, заработанными на чужой беде. – Дмитрий поднялся со стула и продолжил, повысив голос: – Я подозреваю, мэтр Джакомо, что ты, скорее всего, не лекарь, а шарлатан. За своё шарлатанство ты заплатишь сполна! Эй, стража, схватить этого негодяя! – Дмитрий ткнул пальцем в побледневшего толстяка Джакомо. – Сей же час уложить его в гроб и живьём закопать в землю!

Плечистые гридни схватили Джакомо за руки и поволокли его к выходу из гридницы. Бедный лекарь упирался и со слезами в голосе умолял князя Дмитрия о пощаде, в сильнейшем волнении перемежая русскую речь с итальянскими словами. Джакомо был родом из Генуи.

Князь Дмитрий остался глух к этим мольбам.

Гридни выволокли Джакомо из пиршественного зала, и вскоре его жалобные вопли затерялись в теремных переходах.

Знатные гости, сидящие за длинными столами, молча переглядывались между собой, по лицам старших дружинников и боярских жён было видно, что никто из них не ожидал от юного московского князя такой жестокости. Всем было ведомо, как сильно любил свою мать князь Дмитрий, как безутешно он горевал, потеряв её навсегда, поэтому никто из бояр не осмелился вступить за лекаря Джакомо.

Глава вторая. Клятва

На другой день с утра Владимир пришёл в покои своего двоюродного брата и застал его в рассерженном состоянии.

– Что случилось, брат? – несмело спросил Владимир, присев на скамью у окна, стеклянные квадратные ячейки которого были покрыты снаружи морозными ледяными узорами.

Дмитрий метался по просторной светлице, опрокидывая стулья и в сердцах стуча кулаком по массивным дубовым столбам, поддерживавшим балки потолочных перекрытий.

– Тебе же ведомо, братец, что я вчера осудил на смерть лекаря Джакомо. – Дмитрий замер на месте, обернувшись к Владимиру. – Так вот, нынче утром я узнаю от челядинцев, что негодяй Джакомо жив-здоров! Этого горе-лекаря укрыл в своём тереме мой дядя Василий Вельяминов, презрев мой приказ! Каково, а? – По устах Дмитрия промелькнула гневная усмешка. – Зарывается тысяцкий. Ох, зарывается! Ну, я ему сейчас растолкую, что к чему! Я уже послал к дядюшке слугу с повелением немедля явиться ко мне.

– Остерегись, брат, ссориться с тысяцким Вельяминовым, ведь он тебе родня и опора трону твоему, – предостерег Владимир Дмитрия. – Плюнь ты на этого лекаришку! На кой он тебе сдался?..

– Нет-нет, – Дмитрий упрямо тряхнул густыми тёмно-русыми волосами, – тысяцкого нужно поставить на место, братец. Я – князь, внук Ивана Калиты! Все мои повеления должны выполняться неукоснительно! Я уже давно подметил, что тысяцкий слишком много власти себе взял. Пора урезонить дядюшку!

За дверью послышались чьи-то торопливые приближающиеся шаги.

Дмитрий поставил на ножки опрокинутый набок буковый стул с высокой резной спинкой, поспешно усевшись на него и нагнав на себя надменный вид.

Низкая дверь, скрипнув, отворилась. В светлицу вступил молодой челядинец в длинном тёплом зипуне и войлочных поршнях, усыпанных снегом. Ставив с кудлатой русой головы заячий треух, слуга отвесил юному князю низкий поклон.

– Ну, где тысяцкий? – нетерпеливо бросил ему Дмитрий. – Видел ты его?

– Видел, господине, – глядя в пол, ответил челядинец. – Тысяцкий велел передать тебе, княже, что ему сейчас видется с тобой недосуг. Дела его важные отвлекают.

– И когда же тысяцкий пожалует ко мне? – нахмурившись, поинтересовался Дмитрий.

– Он сказал, как освободится от дел, так сразу и поспешит к тебе, господине, – сказал челядинец, по-прежнему не смея поднять глаз.

– Ступай! – раздражённо бросил слуге Дмитрий.

Челядинец вновь поклонился и мигом исчез за дверью.

Дмитрий несколько секунд сидел, не двигаясь. На его лице застыла мина угрюмой задумчивости. Затем, стряхнув с себя оцепенение, Дмитрий взглянул на Владимира и с мрачной ухмылкой произнёс:

– Дядюшка-то мой по уши в делах! И дела-то у него такие важные, что в сравнении с ними моё повеление ему немедля прийти сюда – пустой звук!

Дабы отвлечь Дмитрия от мрачных мыслей, Владимир предложил ему сыграть с ним в тавлеи. Так на Руси назывались шахматы. Эта настольная игра была завезена на Русь арабскими и персидскими купцами ещё во времена княгини Ольги.

Дмитрий достал с полки шахматную доску, разделённую на чёрно-белые квадраты, и берестяную шкатулку с шахматными фигурками, искусно вырезанными из слоновой кости. Эти шахматы были некогда подарены Ивану Калите ордынским ханом Узбеком.

Расставляя на доске чёрные фигурки, доставшиеся ему по жребию, Дмитрий продолжал хмурить свои густые брови и нервно покусывать нижнюю губу. Его продолжала донимать досада, вызванная открытым неповиновением ему тысяцкого Василия Вельяминова.

Мастерству игры в тавлеи Дмитрия обучил митрополит Алексей, являвшийся его духовником и попечителем. Владимир научился играть в тавлеи благодаря послушнику Ларгию, приставленному к нему воспитателем. Ларгий преподавал Владимиру греческую и славянскую грамоту, учил его счёту, раскрывал перед ним основы древнегреческой философии и христианской морали. Ларгий был родом из Трапезунда, поэтому его родным языком был греческий. Путешествуя по свету, Ларгий однажды угодил в рабство к татарам. Из неволи его выкупил митрополит Алексей, случайно увидев его на невольничьем рынке в Сарае, столице Золотой Орды. С той поры Ларгий поселился в Москве, быстро освоив русский язык. Поначалу Ларгий состоял в дружине Ивана Красного, но спустя какое-то время он удалился в Богоявленский монастырь, увлёкшись переписыванием книг.

Митрополит Алексей опекал и княжича Владимира. Именно по настоянию владыки Алексея послушник Ларгий стал наставником Владимира, едва тому исполнилось шесть лет.

Обычно Дмитрий редко проигрывал, сражаясь в тавлеи даже с опытными взрослыми игроками. Однако на этот раз Дмитрий никак не мог сосредоточиться, поэтому он сначала потерял двух «пешцев» и «всадника», а затем и вовсе проморгал самую сильную фигуру – «воеводу».

Владимир же уверенно двигал по чёрно-белым клеткам доски свои белые фигуры, создавая всё более явную угрозу для чёрного «князя». Владимир то и дело объявлял шах, вклинившись своими «всадниками» и «лучниками» в расстроенные порядки чёрных фигур. Уйдя в глухую защиту, совершенно ему не свойственную, Дмитрий так и не сумел выправить положение. Его чёрный «князь» метался по доске, уворачиваясь от грозного белого «воеводы» и белых «всадников».

Наконец Владимир сделал решающий ход в этой партии, громко объявив:

– Извини, брат, но сия битва окончена. Мат!

– Вижу, – угрюмо пробурчал Дмитрий и сильным щелчком сбил с доски своего чёрного «князя». – Повезло тебе, братец, что я зазевался в самом начале.

– Может, ещё сразимся, брат? – сказал Владимир, не скрывая своего удовольствия от столь быстрой победы.

– Давай, – без колебаний ответил Дмитрий, – но теперь «белое воинство», чур, моё.

– Конечно, твоё, – согласился Владимир. – Так и по правилам игры должно быть.

Братья принялись заново выстраивать костяные фигурки на шахматной доске.

Едва Дмитрий успел сделать первый ход, как в светлицу ввалился Федька Свибл, сын боярина Андрея Кропотки. Федька был на год моложе Дмитрия и входил в круг его ближайших друзей. Поскольку Федька с малолетства заметно пришепётывал, поэтому к нему и прилепилось прозвище Свибл, то есть «шепелявый».

Мать Федьки была восточных кровей, поэтому от неё ему передались тёмные вьющиеся волосы, смуглый цвет лица, густые чёрные брови и тёмно-карие, слегка зауженные глаза с длинными изогнутыми ресницами.

– Князьям-братьям моё почтение! – промолвил Федька, повесив на прибитые к стене оленьи рога свою шубу, подбитую лисьим мехом, и бобровую шапку.

У Федьки, пришедшего с мороза, щёки пылали ярким румянцем.

– Здравствуй, друже, – отозвался Дмитрий. – Чем порадуешь?

– Ныне дюже морозно, – сказал Федька, подсев к столу, за которым сидели Дмитрий и Владимир, – а это есть великое благо. Лекари молвят, что мороз всякую заразу убивает, стало быть, мор скоро пойдёт на убыль.

– Этих лекарей послушать, так во всём-то они сведущи, – сердито обронил Дмитрий, глядя на доску с чёрно-белыми фигурами. – А самидохнут как мухи вместе со своими больными или того хуже – стараются улизнуть куда подальше, страшась моровой язвы, как огня.

– Все под Богом ходим, – пожал плечами Федыка, – что лекари, что обычные люди. Смерть всех одинаково косит.

– Да, смерть косит всех без разбору, – с тягостным вздохом обронил Дмитрий, и взгляд его вдруг стал печальным и замкнутым. Он снова ощутил на своих плечах тяжесть свалившегося на него горя.

Владимир выразительным взглядом дал понять Федыке, мол, не упоминай при Дмитриислово «смерть», говори о чём угодно, только не об этом!

Федыка пошмыгал носом и поведал о том, что их общего знакомого – боярича Иванко, сына Боримира Смолятича, вчера лошадь лягнула, да так сильно, что сломала ему правую ногу.

– Иванко-дурень хотел сесть верхом на кобылу, но подошёл к ней со стороны хвоста, – с усмешкой промолвил Федыка. – Кобылица оказалась норовистая и врезала Иванко копытом.

– Не повезло Иванко, что и говорить, – вставил Владимир, дабы поддержать разговор. Он двинул вперёд одного из своих чёрных «всадников», слегка пристукнув им по доске.

– Ничего, – пробурчал Дмитрий, облокотившись на край стола, – наперёд будет Иванко наука. Лошадь – не корова, к ней особый подход надобен.

Неожиданно прибежал челядинец в длинной белой рубахе и в льняных портах, заправленных в стоптанные яловые сапоги без каблуков.

– Господине, боярин Василий Вельяминов пожаловал, – сообщил слуга, отвесив Дмитрию поклон.

– Всё-таки соизволил прийти ко мне мой занятой дядюшка, – вострепнулся Дмитрий с недобрим блеском в глазах. Он махнул рукой челядинцу. – Ладно, пусть войдёт.

Владимир и Федыка Свибл поднялись было со своих мест, собираясь удалиться из светлицы. Однако Дмитрий властным голосом повелел им остаться.

– Вы мои ближайшие друзья, – сказал Дмитрий. – От вас мне таить нечего. К тому же вам будет полезно узреть, сколь высоко вознёсся наш тысяцкий в своём властолюбии.

Владимир и Федыка незаметно переглянулись; им и так было ведомо, что слово Василия Вельяминова есть закон для всякого московлянина, будь то боярин, купец или ремесленник. Даже митрополит Алексей и тот вынужден считаться с Василием Вельяминовым и тремя его братьями.

* * *

Василию Вельяминову перевалило за пятьдесят, это был сильный дородный мужчина, привыкший к беспрекословному повиновению. Должность тысяцкого Василий Вельяминов получил, можно сказать, по наследству от своего отца, который тоже был московским тысяцким в княжение Ивана Калиты.

Иван Красный, заняв московский стол, поставил было тысяцким не Василия Вельяминова, а боярина Алексея Босоволкова. Однако спустя два года Алексей Босоволков был убит при загадочных обстоятельствах. Его мёртвое тело было найдено на городской вечерой площади ранним февральским утром. Иван Красный затеял расследование, и вскоре выяснилось, что нити этого злодеяния тянутся к братьям Вельяминовым и к боярину Михайле Угрину, на дочери которого был женат Василий Вельяминов.

Московский люд был возмущён таким самоуправством братьев Вельяминовых, сожалел об убитом Алексее Босоволкове, который не на словах, а на деле радел о купцах и ремесленниках. Опасаясь, что горячие посадские головы отомстят им кровью за кровь, двое из братьев Вельяминовых уехали тогда в Коломну, а Василий Вельяминов с тестем Михайлой Угрином

подались в Рязань. Целый год не показывались в Москве братья Вельяминовы, кроме самого младшего из них, Юрия, по прозвищу Грунок, который никуда не уезжал. По возвращении в Москву Василий Вельяминов сумел каким-то образом повлиять на Ивана Красного, добившись для себя должности тысяцкого. Следом за Василием Вельяминовым объявились в Москве его тесть и его братья.

После внезапной кончины Ивана Красного Василий Вельяминов, по сути дела, взял бразды правления в свои руки на правах родства с юным князем Дмитрием. Мать Дмитрия доводилась родной сестрой братьям Вельяминовым. Под началом Василия Вельяминова московская рать трижды ходила походом против нижегородских князей, которым на какое-то время удалось взять главенство на Руси, выпросив в Орде ярлык на великое Владимирское княжение.

С той поры, как над Северо-Восточной Русью утвердилось иго золотоордынских ханов, среди русских князей началась борьба за владение ярлыком, дающим право одному из них занимать высокий владимирский стол. Утвердившийся во Владимире князь имел право собирать ежегодную дань для Орды, отправляя её со своими людьми в Сарай. Кроме этого всем удельным князьям приходилось также время от времени выпрашивать у хана в Орде ярлык на владение своим отчим уделом. Так, тверские князья грызлись между собой ради главенства в Твери. Из-за этого же враждовали друг с другом рязанские князья. И ростовские князья по этой же причине точили нож друг на друга. Не всё ладно было и у нижегородских князей, готовых любыми средствами возыметь первенство в Нижнем Новгороде. Так же дело обстояло и в Ярославском княжестве, и в Муромском, и в Белозерском...

Эти межкняжеские свары были на руку золотоордынским ханам, которые сами же их разжигали, торгуя ярлыками и ссоря князей друг с другом.

Начиная с Ивана Калиты, московские князья на протяжении многих лет удерживали за собой великое Владимирское княжение. Успех нижегородского князя Дмитрия Константиновича был недолгим. Не прошло и года, как ярлык на владимирский стол оказался у юного московского князя Дмитрия благодаря стараниям Василия Вельяминова.

Представ перед князем Дмитрием, Василий Вельяминов слегка поклонился, прижав к широкой груди свою правую руку, унизанную перстнями с драгоценными камнями. Шубу, шапку и рукавицы тысяцкий снял с себя и оставил в помещении теремной стражи, по своей давней привычке.

– Здрав будь, пресветлый князь! – сказал Василий Вельяминов, пригладив свою подёрнутую сединой тёмно-русую бороду.

– Ты почто мой приказ нарушил, боярин? – не отвечая на приветствие, ледяным голосом произнёс Дмитрий. При этом он даже не взглянул на тысяцкого, уперев свой хмурый взор в шахматные фигурки. – Как посмел ты оставить в живых лекаря Джакомо? Иль не князь я более? Иль ты у нас теперь на Москве главный верховод? Отвечай!

Добродушная мина на одутловатом лице тысяцкого мигом сменилась выражением плохо скрываемого раздражения.

– Негоже ты поступаешь, племяш, вот так сдуру отправляя на казнь нашего лучшего лекаря, – тоном отеческого назидания проговорил Василий Вельяминов. – Да ещё в присутствии всей знати! Что о тебе бояре подумают? Опасение в них может зародиться, мол, сегодня Джакомо, по сути дела, ни за что на казнь угодил, а завтра любой из них без суда головы лишиться может. Не дело это, племяш.

– Не тебе меня учить, боярин! – Дмитрий надменно приподнял подбородок, его глаза сверкнули недобрый блеском. – У меня своя голова на плечах! Джакомо повинен в шарлатанстве, во лжи и алчности. Я помню, как он похвалялся перед моим отцом, едва прибыв в Москву, мол, ему не составит труда излечить любой недуг.

– Так ведь Джакомо до сего бедствия и впрямь многих людей вылечил, – вставил тысяцкий. – Вспомни, княже, к нему многие приходили: кто с зубной болью, кто с вывихом, кто с грыжей... Джакомо и роды принимал, и от поноса лечил, и рваные раны зашивал. Чего токмо на него не сваливалось, со всяким недугом он справлялся.

– Не спорю, кости вправлять и зубы лечить Джакомо большой мастак, однако с моровой язвой он не совладал, – чеканя слова, продолжил Дмитрий. – Мою мать Джакомо на ноги не поставил, моего меньшого брата от смерти не спас. А ведь я ему щедро серебра отсыпал! Обманул, выходит, меня Джакомо. За это негодай и должен понести наказание!

Василий Вельяминов продолжал заступаться за Джакомо, делая упор на то, что свалившееся на русские земли моровое поветрие есть кара Господня за грехи людские.

– Многие священники о том говорят, племяш, – молвил тысяцкий, то разводя руками, то засовывая пальцы за кушак. На нём была длинная тёмная свитка ниже колен из дорогой парчовой ткани, из-под которой виднелись жёлтые татарские сапоги-гутулы, удобные для верховой езды.

Василий Вельяминов пешком ходить не любил, предпочитая везде и всюду ездить верхом. У него были самые лучшие лошади в Москве, коих ему доставляли из Орды, с Кавказа, с берегов Дуная и из прочих дальних стран.

– Довольно, дядя! – Дмитрий решительно встал со стула. – Отдай мне Джакомо, ибо гроб для него уже сколочен. Моё решение твёрдо! Джакомо должен умереть!

Василий Вельяминов окинул Дмитрия с головы до ног неприветливым взглядом и промолвил, теребя свой толстый нос:

– До сих пор бояре и народ московский моим решениям внимали, княже. Пусть так и будет впредь. Ты ещё не дорос до самостоятельных решений, племяш. В тебе говорит скорбь по умершей матери и злоба твоя против Джакомо...

– Замолчь, боярин! – гневно воскликнул Дмитрий. – Я – великий князь! Ты не смеешь мне перечить, наглец!..

– Ты получил великое Владимирское княжение благодаря мне, племяш, – медленно вымолвил тысяцкий, исподлобья взирая на Дмитрия, который напоминал сейчас волчонка, оскалившего клыки на матёрого волка. – Без меня ты не одолел бы нижегородских князей и не замирился бы с рязанским князем Олегом. Ты под моим крылом сидишь, племяш, лишь благодаря этому стол отцовский у тебя не отняли соседние князья. А посему умерь-ка свой нрав, дружок. И не забывай, кому ты обязан своим теперешним высоким положением! – Василий Вельяминов помолчал и добавил уже более миролюбиво: – Я не меньше твоего скорблю по твоей матери, племяш. Однако и в скорби своей я не забегая наперёд разума, не рублю сплеча. Предать смерти Джакомо легко, но этим горю не поможешь.

Отвесив прощальный поклон, тысяцкий направился к двери, его сапоги слегка поскрипывали при каждом шаге. Взявшись за дверное кольцо, Василий Вельяминов обернулся и бросил Дмитрию:

– Князь должен быть милосердным, племяш. Твой покойный отец таким и был, за это люд московский его любил и почитал.

Перешагнув через высокий порог, тысяцкий вышел из светлицы, плотно притворив за собой дверь.

* * *

Едва Василий Вельяминов скрылся за дверью, Дмитрий выскочил из-за стола, отшвырнув стул. Его лицо покрылось красными пятнами, в глазах плясали огоньки еле сдерживаемого гнева.

– Видали, как вызывающе держится предо мной тысяцкий! – возмущался Дмитрий, обращаясь к Владимиру и к Федьке Свиблу. – Дядюшка мой считает меня дитятей неразумным, а себя мнит эдаким мудрецом и славным воителем. Оказывается, я по уши в долгу перед ним. Его послушать, так не видать бы мне княжеского трона, кабы он не порадел за меня! Вот надменный злыдень!

– Тебе шах, брат, – сказал Владимир, сделав очередной ход. Он начинал атаку на белого «князя».

– Отстань, не до игры мне! – рявкнул Дмитрий на Владимира, резким движением руки смахнув с доски шахматные фигурки. – Ты что, не видел, как тысяцкий унизил меня? Не слышал, как он разговаривал со мной? Иль тебе сие безразлично, братец?

Владимир растерянно хлопал глазами, ему ещё не доводилось видеть Дмитрия в таком взвинченном состоянии.

– Бог с тобой, брат! – пробормотал Владимир. – Я душой и сердцем на твоей стороне. Мне тоже не нравится, что дядя твой совсем уж не считается с тобой. Ты – князь, поэтому тысяцкий обязан тебе подчиняться.

– И я готов пойти за тобой в огонь и воду! – пылко вставил Федька Свибл, приблизившись к Дмитрию и взяв его за руку. – Токмо до поры до времени и тебе и нам придётся подчиняться твоему властолюбивому дяде. Ведь Василий Вельяминов ныне верховодит и городской ратью, и княжеской дружиной, и Боярской думой.

– Да, до поры до времени придётся... – в мрачном раздумье проговорил Дмитрий, прохаживаясь по светлице взад-вперёд.

В свои четырнадцать лет Дмитрий выглядел на все шестнадцать, поскольку он был широкоплеч и статен, у него была крепкая шея и большие сильные ладони. Дмитрий был облачён в белую длинную рубаху, опоясанную узорным кушаком. Сквозь льняную ткань рубахи проступали крутые мускулы на его широкой груди и на плечах.

Тёмно-русые волосы Дмитрия, подстриженные «в кружок», закрывали ему затылок, уши и виски, свешиваясь спереди до середины лба.

Неожиданно Дмитрий снял с полки большую резную шкатулку, достал из неё медный пузырёк с чернилами, гусиное заострённое перо и чистый лист плотной бумаги.

– Коль ты и впрямь предан мне, братец, – обратился Дмитрий к Владимиру, – давай заключим с тобой договор на будущее, в коем ты поклянешься мне блюсти мой трон и стоять вместе со мной против любых моих недругов. А ты, Фёдор, – Дмитрий указал бояричу на стул, – садись и пиши.

Владимир и Федька, подбиравшие с полу шахматные фигурки, недоумевающе переглянулись. Затем Федька уселся за стол и развернул перед собой бумажный лист, придавив верхний его край медной чернильницей. Перед этим Федька подвернул до локтя длинные рукава своей объёмной тёмно-синей рубахи с узорами из золотых ниток на груди и вокруг ворота.

Владимир высыпал в берестяную коробку подобранные с полу костяные чёрно-белые фигурки и тоже сел к столу напротив Федьки.

– Чего писать-то? – Федька обернулся на Дмитрия, который продолжал отмерять неторопливыми шагами светлицу, скрестив руки на груди.

– Напиши заглавие сей грамоте – «Клятвенный договор московского князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом Владимиром Андреевичем», – после недолгой паузы промолвил Дмитрий, остановившись рядом с Федькой и чуть наклонившись над его плечом. – Токмо не торопись, пиши без ошибок.

Макая перо в чернила, Федька старательно вывел заглавие большими буквами. Его круглое смуглое лицо стало серьёзным.

Посерьёзnel и Владимир, не спускавший глаз со своего старшего двоюродного брата.

Дмитрий начал диктовать текст договора. Он знал, как оформляются такие договоры, поскольку видел подобные бумаги с княжескими печатями в канцелярии своего отца, который при жизни заключил клятвенные соглашения с несколькими удельными князьями, зависимыми от Москвы. Федька быстро и аккуратно записывал всё, что говорил ему Дмитрий. Проявляя усердие, Федька при этом склонил набок свою кудрявую голову и высунул между губами кончик языка.

Наконец договор был написан.

– Прочти сие вслух, и ежели согласен со всем здесь изложенным, тогда поставь внизу свою подпись, – сказал Дмитрий, протянув Владимиру почти полностью исписанный лист. – Коль с чем-то не согласен, братец, сразу скажи об этом.

Владимир с шелестом развернул бумагу и, пропустив заглавие, стал читать.

В договоре было написано следующее: «Клянусь Богом быть заодно со своим старшим братаничем Дмитрием Ивановичем, князем московским, делить с ним все ратные труды, держать под ним княжение великое честно и грозно. Клянусь не искать под Дмитрием удела московского, ибо удел сей должен наследоваться непременно его сыновьями. Всякий выморочный удел в Московской земле и в Великом княжестве Владимирском да поступит во владение Дмитрия Ивановича без раздела с родичами. Враги Дмитрия Ивановича есть мои враги, друзья его есть мои друзья. В сём присягаю перед Богом и Святой Троицей. Аз есмь князь серпуховской Владимир Андреевич.

Клянусь Богородицей быть вместо отца моему младшему братаничу Владимиру Андреевичу, наделять его городами, сёлами и земельными угодьями в награду за честную службу. А коли по моей воле кто-то из бояр моих будет отправлен в поход или в дальний гарнизон, то и воеводам Владимира Андреевича надлежит выступить туда же без промедления; а кто ослушается, того предать смерти. И коль я сам выйду из Москвы против врага, то и брату моему Владимиру со мною быть. Также оставляю за собой право творить суд и расправу над боярами моего младшего братанича, кои будут замешаны в злом умысле против меня. В моей же воле будет назначать любого из бояр Владимира Андреевича на воеводство в города, иль на верховодство войском, иль на посольское дело. Так сказано и решено мною, Дмитрием Ивановичем, великим князем московским.

Сей клятвенный договор составлен в лето 6873-е декабря 17-го дня».

Прочитав грамоту, Владимир без колебаний поставил под текстом договора свою подпись.

Рядом с ним расписался и Дмитрий.

Затем братья достали свои княжеские бронзовые печати, обмазали их чернилами и оставили два круглых печатных оттиска под своими подписями.

На бронзовой печати Дмитрия был изображён Георгий Победоносец в воинском облачении, с копьём в руке, верхом на коне. Это был тогдашний герб Москвы. Святой Георгий на этом гербе ещё не поражает гигантского змея своим копьём. Пробитый копьём змей появится на гербе Москвы лишь при Иване Третьем, когда Русь сбросит, наконец, иго Золотой Орды.

На печати Владимира были изображены шлем и два перекрещённых копья.

Глава третья. Остей

При Иване Красном в Москве объявился знатный литовец Валимунт, сын Ольгерда. Валимунт ещё в детские годы прошёл обряд крещения, получив христианское имя Фёдор. Повздорив со своими братьями, лишившими его княжеского удела, Валимунт поступил на службу к московскому князю. Вместе с Валимунтом приехали в Москву его семья, дружинники и слуги.

Среди слуг и дружинников Валимунта было несколько язычников, но все остальные были христианами православного толка, как и русичи.

Ринда, жена Валимунта, тоже была язычницей. У Ринды был твёрдый и неукротимый нрав, поэтому она не позволила мужу крестить в купели свою дочь Рагану. Валимунт кое-как уговорил жену, чтобы та разрешила повесить крест на шею их старшему сыну Астису. Ринда была из прибалтийского племени жемайтов, которые вот уже больше ста лет ведут непримиримую борьбу с немецкими крестоносцами. Под предлогом искоренения язычества и насаждения христианства немцы поголовно истребили народ куршей и обратили в рабство доблестных пруссов. Жемайты, объединившись с литовцами и земгалами, сумели отстоять свои земли от посягательств крестоносцев. Но и сбросить немцев в Балтийское море жемайты и их союзники всё же не смогли.

Немецкие крестоносцы создали на землях пруссов Тевтонский орден, а во владениях эстов немецкие и датские рыцари образовали орден меченосцев, со временем преобразовавшийся в Ливонский орден. Рыцари-монахи, чувствуя за собой поддержку католического Рима, не прекращали своих попыток завоевать Литву и поработить вольнолюбивых жемайтов. С крестом и мечом приходили немцы на земли прибалтийских язычников, повсюду сея смерть и разрушения.

Потому-то Ринда, дочь жемайтийского князя Мовколда, с юных лет недолюбливала христиан, своими глазами видевшая зверства крестоносцев над непокорными жемайтами и литовцами.

Старший сын Валимунта получил при крещении христианское имя Александр. Однако родные и друзья продолжали называть его прежним языческим именем Астис. Русичи переименовали литовское имя Астис на свой лад, называя Валимунтова сына Остею.

Остей был одноклассником с Дмитрием и входил в круг его ближайших друзей.

Дмитрий доверял Остею, поэтому он тоже заключил с ним клятвенный договор, скреплённый подписями и печатями. Поскольку Остей пока ещё не имел своей княжеской печати, так как у него не было удела княжеского, поэтому он приложил к грамоте печать своего отца, не сказав тому ни слова об этом. Дмитрий велел Остею держать в тайне заключённый между ними письменный договор.

Остей видел, как несправедливо обошлись с его отцом ближайшие родственники, отняв у него земли и города в пинском Полесье. Поэтому-то Остей принял для себя решение верно служить князю Дмитрию, дабы получить от него со временем княжеский удел на Руси.

Дмитрий знал, что Василий Вельяминов подыскивает ему невесту среди дочерей московской знати. До Дмитрия доходили слухи, что братья Василия Вельяминова стовариваются о том, чтобы определить в невесты своему высокородному племяннику одну из своих дочерей, невзирая на запрет Церкви венчать двоюродных братьев и сестёр. Это намерение братьев Вельяминовых имело одну-единственную цель – окончательно прибрать к рукам московский княжеский трон. Тимофей Вельяминов, почти не таясь, разглагольствует повсюду о том, что от «несмышлёного» князя Дмитрия требуется лишь его мужское семя для оплодотворения той невесты, какую ему выберут они, братья Вельяминовы.

Дмитрий решил предпринять самостоятельные поиски невесты для себя, родня которой в будущем могла бы стать опорой для него в его противостоянии с братьями Вельяминовыми. Прознав, что у одного из тверских князей подрастает пригожая дочь, Дмитрий надумал посвататься к ней, рассудив, что ему более пристало сочетаться браком с княжной из рода Рюриковичей, нежели с московской боярышней.

Свой замысел Дмитрий решил осуществить втайне от Василия Вельяминова и его братьев. С этой целью Дмитрий взял в союзницы свою тётку Марию Александровну, вдову Симеона Гордого. Мария Александровна доводилась родной сестрой тверскому князю Владимиру Александровичу, к дочери которого имел намерение посвататься Дмитрий. У Марии Александровны были весьма натянутые отношения с Василием Вельяминовым, который какое-то время досаждал ей своими непристойными домогательствами. Получив резкий отпор от Марии Александровны, Василий Вельяминов принялся интриговать против неё, стараясь лишить её завещанных покойным Симеоном Гордым земель и волостей. Братья Василия Вельяминова говорили прямо в лицо Марии Александровне, чтобы она убиралась из Москвы обратно в Тверь.

Мария Александровна в душе люто ненавидела братьев Вельяминовых, поэтому она охотно согласилась помогать Дмитрию в его тайном замысле. Она даже подсказала Дмитрию, как устроить смотрины тверской княжны, усыпив при этом бдительность Василия Вельяминова и его братьев. Мария Александровна велела Дмитрию пустить слушок, будто он замыслил соединить браком Остея и тверскую княжну Марию Владимировну. Дмитрий так и сделал, наговорив своим боярам, будто этим браком он хочет крепче привязать Остея к себе. Мол, коль пустит Остей корни на Руси, то обратно в Литву уже не уедет.

Василий Вельяминов нашёл сей замысел племянника Дмитрия разумным и не стал чинить препятствий Марии Александровне и Остею, когда те в конце декабря выехали санным путём из Москвы в Тверь. Василию Вельяминову было невдомёк, что хитрец Дмитрий обвёл его вокруг пальца, поручив своей тётке Марии Александровне под видом сватовства Остея к тверской княжне обговорить с князем Владимиром Александровичем условия бракосочетания его дочери с ним, Дмитрием, князем московским.

Глава четвёртая. Тверские обиды

В Твери, как и в Москве, свирепствовало моровое поветрие. Приехавшие в Тверь Мария Александровна и Остей угодили на похороны великого тверского князя Всеволода Александровича и его супруги Софии Георгиевны.

Княжеский стол в Твери занял Василий Михайлович, родной дядя Марии Александровны, до сего времени княживший в Кашине. Тверские бояре и духовенство присягнули на верность Василию Михайловичу, за которым было старшинство среди местных князей. Почти все племянники Василия Михайловича признали его главенство. Лишь Михаил Александрович, родной брат Марии Александровны, отказался присягать Василию Михайловичу, сославшись на то, что в Орде ещё не подтвердили право его дяди занимать тверской стол.

Тверские бояре шептались между собой, предчувствуя новую распря между дядей и племянником. Такое уже было несколько лет тому назад. Тогда ныне покойный Всеволод Александрович, съездив в Орду, сумел добыть для себя ярлык на великое Тверское княжение в нарушение древнего славянского обычая, по которому старшинство в роду всегда оставалось за дядьями, а не за племянниками. Василию Михайловичу пришлось подчиниться воле золотоордынского хана, которому не было никакого дела до русских родовых обычаев. В Орде смотрели на дары, которые привозили русские князья. Исходя из этого, наиболее богатый и щедрый князь занимал более высокое положение по сравнению с прочими князьями.

По родовому укладу Василий Михайлович имел больше прав на тверской стол, но он был беднее своего племянника Всеволода Александровича, поэтому был вынужден признать его старшинство, ибо у того имелся ханский ярлык.

Ныне чёрная смерть, косившая тверичан, позволила Василию Михайловичу на какое-то время восстановить свои погрязшие права, освободив для него тверской великокняжеский трон.

Василий Михайлович радушно встретил Марию Александровну и княжича Остея, поскольку в своём противостоянии с ретивыми племянниками он неизменно опирался на поддержку из Москвы. Сын Василия Михайловича, Михаил, был женат на московской княжне Василисе, дочери покойного Симеона Гордого. Мария Александровна не стала раскрывать перед Василием Михайловичем потайной замысел Дмитрия, дабы об этом не прознал вездесущий Василий Вельяминов. У Василия Михайловича не было тайн от своего сына и снохи, а те частенько навевались в Москву по разным делам. Мария Александровна сказала Василию Михайловичу, будто цель её приезда в Тверь – это поиски невесты для Остея.

Зато при встрече с братом Владимиром Александровичем Мария Александровна повела себя иначе, намекнув ему, что Остей приехал с нею лишь для отвода глаз, мол, дочерью его заинтересовался сам Дмитрий Иванович, князь московский. Владимир Александрович от этого известия слегка опешил, по его лицу было видно, что ему льстит внимание юного московского князя к его дочери.

Владимир Александрович уже собрался было обсудить с Марией Александровной условия помолвки своей дочери с юным Дмитрием. Однако этому помешал Михаил Александрович, присутствовавший при этом разговоре.

– Одумайся, брат! – заговорил Михаил, порывисто схватив Владимира за руку. – Вспомни, сколько зла претерпели тверичане от москвлян! Вспомни нашего деда Михаила Ярославича, оклеветанного в Орде московским князем Юрием Даниловичем и четвертованного татарами. Вспомни, как наша родня унижалась перед Юрием-негодяем, выпрашивая у него останки Михаила Ярославича. Ибо Юрий перевёз их из Сарая в Москву с намерением содрать за них богатый выкуп с тверичан.

Вспомни и о том, брат, как Иван Калита, брат Юрия Даниловича, навёл на Тверь татарскую рать и московские полки, после того как тверичане перебили баскаков Щелкана и его самого сожгли живьём в тереме. Наконец, брат, вспомни нашего отца и брата Фёдора, убитых в Орде ханом Узбеком по навету того же Ивана Калиты. – Голос Михаила Александровича слегка дрожал от волнения и гнева. – Господь покарал потомство Ивана Калиты ранней смертью от чумы, то есть воздаяние свыше за грехи и злодеяния. Гнев Господень продолжает дозветь над московским княжеским домом: смерть уже скосила мать князя Дмитрия и его младшего брата. Скоро кара небесная постигнет и сей последний отросток из проклятого Калитина рода! Так что, брат, пожалей свою дочь и не выдавай её замуж за мальчишку Дмитрия.

Владимир Александрович пребывал в растерянности и в тягостном раздумье. Что и говорить, после всех козней московских князей от бывшего могущества Твери почти ничего не осталось. Иван Калита даже вечевой колокол увёз из Твери в Москву.

Благодаря своему податливому нраву Владимир Александрович находился под влиянием Михаила Александровича, несмотря на то что тот был гораздо моложе его. Вот и на этот раз Михаил Александрович сумел убедить брата в пагубности всей этой брачной затеи. Упомянув про своих старших князей-родичей, погубленных в Орде пройсками Юрия Даниловича и Ивана Калиты, Михаил Александрович не преминул напомнить брату о неудачном замужестве их сестры Марии Александровны, оставшейся вдовой и схоронившей всех своих детей.

Этот довод Михаила Александровича окончательно убедил слабовольного Владимира Александровича в том, что над родом Ивана Калиты висит Божье проклятие. Владимир Александрович заявил Марии Александровне, что он намерен искать жениха для своей единственной дочери где угодно, только не в Москве.

Глава пятая. «Великая замятня»

Сто двадцать лет минуло с той поры, как Золотая Орда распространила свою власть над разрозненными русскими княжествами. Татары намеренно поощряли вражду в среде русских князей, дабы не позволить им собрать свои силы воедино. Поначалу дань для Орды собирали с Руси конные татарские отряды во главе с особыми чиновниками – баскаками. Однако после ряда восстаний среди русского населения баскачество было упразднено. Подавлять частые восстания русских данников для властей Золотой Орды выходило слишком накладно.

В Орде приняли разумное решение: пусть ежегодную дань собирают и привозят сами русичи, а ответственность за это будет лежать на великом князе владимирском. Если князь владимирский кое-что утаит для себя при этих сборах, то Орде и тут будет выгода: не на неё обратится озлобление прочих русских князей, но на держателя великого стола владимирского.

Своего расцвета Золотая Орда достигла при хане Узбеке, который в крепкой узде держал степные татарские улусы и земли данников, чеканил золотую монету и вёл торговлю с Западом и Востоком. При Узбеке было окончательно уничтожено шаманство и в Золотой Орде утвердился ислам. Большое войско Узбека успешно воевало на Кавказе с Хулагидами, а в Средней Азии – с потомками Чагатая.

Современники называют Узбека «государем, султаном, ильханом, великим шахиншахом, столпом дома Чингис-хана».

После смерти Узбека Золотая Орда стала клониться к упадку, разъедаемая внутренними неурядицами.

Хану Узбеку наследовал его сын Джанибек, нарушивший завещание отца и убивший своего старшего брата Тинибека.

При хане Джанибеке в Золотую Орду из Китая была занесена чума, распространившаяся отсюда в Греции, Сирии и Египте, а корабли генуэзцев завезли её в страны Европы. Джанибек правил пятнадцать лет, всё это время он вёл войны на востоке и на западе. Убил Джанибека его сын Бердибек, занявший ханский трон. По приказу Бердибека были также убиты и двенадцать его братьев, самому младшему из которых было всего восемь месяцев.

Арабский хронист Абулгази так написал о Бердибеке в своём труде: «Убив отца и своих родных братьев, Бердибек не успокоился на этом. Безжалостный от природы, он принялся истреблять близких и дальних родственников одного за другим, не пощадив ни зрелых мужчин, ни женщин, ни детей, всех предал смерти, желая упрочить свою власть».

Двухлетнее правление Бердибека запомнилось современникам нескончаемой чередой кровавых убийств. Таким образом, были истреблены все до одного царевичи из рода Узбека. Ордынские эмиры составили заговор и зарезали Бердибека прямо в спальне, устав от его бессмысленной жестокости.

После смерти Бердибека в Золотой Орде открывается полоса непрерывных дворцовых переворотов, сопровождавшихся казнями и убийствами. Отголоски этой внутренней ордынской междоусобицы попали и на страницы русских летописей. Летописцы назвали этот период в истории Золотой Орды «великой замятней».

Убийство в Орде хана Бердибека совпало по времени со смертью в Москве Ивана Красного и с вокняжением его девятилетнего сына Дмитрия. Бердибека сменил на ханском троне некто Кульна, пробывший у власти всего шесть месяцев и пять дней. Затем Кульна был убит неким Наврусом, продержавшимся на троне целый год и убитым одним из своих приближённых по имени Хызр, который в русских летописях значится как Хидырь.

Было так заведено, что всякий новый хан Золотой Орды при восшествии на трон заново распределяет ярлыки среди русских князей, принимая от них подарки. И в случае смерти вели-

кого владимирского князя решение о том, кому из Рюриковичей занять это место, опять-таки принимается в Орде.

Поскольку со времён Ивана Калиты высокий владимирский стол неизменно наследовали московские князья, поэтому после смерти Ивана Красного никто из князей не посмел претендовать на великое княжение, полагая, что преемником покойного Ивана Ивановича станет его сын Дмитрий. Однако хан Кульна, сменивший Бердибека, не пожелал сажать на высокий владимирский стол девятилетнего мальчика, отдав ярлык на великое княжение суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, коему в ту пору было тридцать шесть лет. Обрадованный Дмитрий Константинович едва доехал из Орды до дому, как получил известие о смерти Кульны.

Пришлось Дмитрию Константиновичу отправить в Сарай своих послов, чтобы те выпросили для него ярлык на великое княжение у хана Навруса, убившего Кульну. Наврус соблазнился щедрыми дарами суздальского князя и оставил ему заветный ярлык, дающий старшинство над всеми русскими князьями.

Тщеславный Дмитрий Константинович тешил себя помыслами о том, чтобы со временем кто-то из его сыновей унаследовал великое Владимирское княжение, вырвав эту честь у московского княжеского дома. Однако в Сарае случился очередной дворцовый переворот и воцарившийся там хан Хидырь, убийца Навруса, передал ярлык на владимирский стол юному московскому князю. Следует признать, что к такому решению склонили Хидыря льстивые речи Василия Вельяминова и богатые подарки московского посольства. Приглянулся Хидырю и юный Дмитрий, не по годам рассудительный и вполне сносно изъясняющийся на татарском языке.

Разгневанный Дмитрий Константинович отказался уступить владимирский стол отроку Дмитрию, благо что хан Хидырь к тому времени уже пал от руки своего сына Тимура-Ходжи. А того в свою очередь убил некий Амурат, занявший ханский престол.

И вновь послы из Москвы и Суздаля обивают пороги ханского дворца в Сарае, кланяясь хану Амурату и одаривая его подарками. После довольно долгого раздумья Амурат отдал ярлык на Владимирское княжение московскому князю, рассудив, что ему будет легче помыкать отроком, нежели зрелым мужем.

Дмитрий Константинович пришёл в ярость от ханского решения. Он отказался исполнить ханскую волю в надежде, что и этот ордынский властелин недолго просидит на троне. Пришлось московской рати силой изгнать Дмитрия Константиновича из Владимира. Там, в древнем белокаменном Успенском соборе, юный князь Дмитрий прошёл обряд восшествия на великое княжество Владимирское. Это было летом 1362 года.

* * *

На следующий год во Владимир прибыл ордынский посол, который привёз князю Дмитрию ещё один ярлык на великое княжение. Как выяснилось, в Орде с прошлого года более не существовало единой власти. Хан Амурат продолжал сидеть в Сарае, но ему были подвластны лишь земли к востоку от Волги, так называемый луговой берег. Степи к западу от Волги со всеми кочевьями на них именовались ныне Мамаевой Ордой, по имени темника Мамаю.

Мамай обрёл силу при Бердибеке, выгодно женившись на ханской сестре и став гурленем – ханским зятем. Мамай недолго пребывал в тени. Не подчинившись Амурату, пришедшему из Синей Орды, он своей волей поставил ханом подвернувшегося под руку принца из Батыева рода, по имени Абдуллах. Владения Абдуллаха, за спиной которого стоял Мамай, простирались от Волги до Крыма, от реки Воронеж до предгорий Кавказа. Этот-то Абдуллах и отправил во Владимир своего посла с великим ярлыком для московского князя.

Дмитрий, вняв советам своих бояр, принял и этот великий ярлык.

Прознавший об этом Амурат рассердился столь сильно, что отменил своё прежнее решение и вернул Дмитрию Константиновичу право на великий стол.

Опять пришлось московским воеводам седлать коней и собирать полки, чтобы в очередной раз выбить Дмитрия Константиновича и его дружину из Владимира. Всего-то двенадцать дней просидел Дмитрий Константинович на владимирском столе, после чего пришлось ему бежать в Суздаль, свою вотчину. Тягаться на равных с московской ратью Дмитрий Константинович не мог. Осаждённый московлянами в Суздале, он запросил мира, отказавшись от Амуратова ярлыка.

Князь Дмитрий, по совету Василия Вельяминова, отослал побеждённого Дмитрия Константиновича в Нижний Новгород, веля ему находиться там под опекой старшего брата. Почти год прожил в Нижнем Дмитрий Константинович, смилив свою гордыню. Затем ему было позволено вернуться на княжение в Суздаль.

Глава шестая. Встреча в Бережце

В пору морового поветрия в Нижнем Новгороде скончался тамошний князь Андрей Константинович, старший брат Дмитрия Константиновича. По родовому обычаю, на нижегородский стол должен был перейти из Суздаля Дмитрий Константинович. Однако младший из Константиновичей, князь Борис, съездил в Орду и привёз оттуда ханское разрешение взять под свою руку Нижний Новгород. Коренной удел Бориса Константиновича находился в Городец, всего в сорока верстах от Нижнего Новгорода вверх по течению Волги. Борис-честолюбец полагал, что Нижний и Городец – одна вотчина и править ею должен один хозяин. Заняв нижегородский стол, князь Борис углубил крепостные рвы вокруг города и велел свозить камень для постройки новой городской стены. Старая деревянная стена Нижнего уже изрядно обветшала.

Вскоре на Русь пришло известие, что хан Амурат убит неким Азиз-шейхом, который утвердился на троне в Сарае. Азиз-шейх и одарил Бориса Константиновича правом на нижегородский стол. Более того, Азиз-шейх не забыл и про Дмитрия Константиновича, прислав ему ярлык на великое Владимирское княжение.

На сей раз Дмитрий Константинович сему ордынскому дару не обрадовался. Дважды лишившись великого стола, он не собирался снова затевать распрю с Москвой, понимая, что никто из князей его не поддержит, а воля очередного хана-выскочки никакой силы не имеет. Поразмыслив, Дмитрий Константинович обратился за помощью к Москве. Через своего гонца он передал, что отказывается от ханского ярлыка в пользу московского князя, но просит рассудить его с младшим братом, не по обычаю захватившим Нижний Новгород.

Юный московский князь и его боярский совет решили уважить просьбу Дмитрия Константиновича. Митрополит Алексей снарядил в Нижний Новгород посольство из священников во главе с Суздальским епископом. Посольству было велено воздействовать на Бориса Константиновича пастырским словом и отвратить его от разжигания братоубийственной войны. Однако князь Борис выслушал святых отцов и отправил их восвояси, не пожелав уступить нижегородский стол старшему брату.

Тогда митрополит отправляет в Нижний Новгород послом Сергия Радонежского, игумена затерянной в лесах Троицкой обители. Отшельническая жизнь и подвижническое служение Господу наделили Сергия неким ореолом святости. Молва о нём разошлась по всей Русской земле.

Самонадеянный Борис Константинович даже не пожелал разговаривать со старцем-игуменом в тёмной пропылённой рясе, подпоясанной лыковой верёвкой. Мол, не к лицу ему, светлострому князю, с бродячим монахом беседовать и нравоучения из его уст выслушивать. Пусть проваливает Сергий туда, откуда пришёл!

И тут случилось такое, чего Борис Константинович, объятый гордыней, никак не мог предвидеть. Игумен Сергий затворил все церкви в Нижнем Новгороде, запретив церковные службы до особого распоряжения митрополита Алексея и московского князя Дмитрия Ивановича. В городе поднялся ропот, ибо стало невозможно ни младенца окрестить, ни молодых обвенчать, ни покойника отпеть... Люд нижегородский огромной толпой подвалил ко княжеским хоромам, пожелав переведаться с Борисом Константиновичем. Горожане потребовали от князя Бориса, чтобы он встретился со своим старшим братом для любовного разрешения возникшей меж ними ссоры. Иначе нижегородцы сами откроют ворота полкам Дмитрия Константиновича и московского князя, которые, по слухам, уже недалече.

Борису Константиновичу волей-неволей пришлось покориться народному вечу. Выхав со своими ближними боярами из Нижнего Новгорода, князь Борис двинулся на запад по левобережью Оки. Добравшись до села Бережца, лежавшего немного выше устья Клязьмы-реки, Борис и его свита стали здесь ждать приближения московско-суздальской рати. Борис никак

не мог взять в толк, как получилось, что два вчерашних недруга, два Дмитрия объединились против него! Он-то рассчитывал совладать со старшим братом без вмешательства Москвы.

* * *

В свои пятнадцать лет князь Дмитрий впервые оказался в роли третейского судьи, примиряя друг с другом двух братьев Константиновичей, старшему из которых уже перевалило за сорок, а младшему недавно исполнилось двадцать пять. Являясь великим владимирским князем, юный Дмитрий обладал правом разрешать любые межкняжеские тяжбы.

Борис Константинович отказался от посягательств на Нижний Новгород, согласившись удалиться в Городец и признав над собой старшинство Дмитрия Константиновича. Также братья Константиновичи присягнули на верность московскому князю, выразив готовность ходить в полной его воле.

Пришлось князю Дмитрию сотворить суд и над князьями, подстрекавшими Бориса Константиновича к неповиновению Москве и старшему брату. Этим подстрекателей было двое: стародубский князь Иван Фёдорович и князь галицкий Дмитрий Иванович. Обоих лишили княжеских столов и сослали в Великий Устюг, лежащий на реке Сухоне в далёком лесистом краю.

Был год 1365-й.

Глава седьмая. Тверская княжна

В этом же году умер от морового поветрия Владимир Александрович, племянник тверского князя Василия Михайловича. До самой своей кончины Владимир Александрович держал свой стол в удельном граде Зубцове, расположенном верстах в шестидесяти от Твери выше по течению Волги. Поскольку у Владимира Александровича не было сыновей, а была только дочь, его удел перешёл во владение к родному брату Андрею Александровичу.

Княгиня Анастасия Фёдоровна, вдова покойного, вместе с дочерью приехали в село Марьино, что под Москвой, где почти безвыездно проживала Мария Александровна, вдова Симеона Гордого. Прошлогдняя поездка Марии Александровны в Тверь, когда она пыталась негласно сосватать дочь Владимира Александровича за юного московского князя, всё-таки сыграла свою роль. Анастасия Фёдоровна привезла свою двенадцатилетнюю дочь в Марьино с намерением осуществить её помолвку с пятнадцатилетним московским князем.

Анастасия Фёдоровна совершила эту поездку втайне от родных братьев своего покойного мужа, зная их враждебное отношение к московскому княжескому дому.

Мария Александровна со всеми предосторожностями, дабы не привлечь внимание братьев Вельяминовых, поставила в известность князя Дмитрия о том, что тверская княжна пребывает у неё в Марьине.

Вокруг Марьино стояли дремучие леса, полные всякой дичи.

Князь Дмитрий под видом того, что он отправился на охоту, однажды наведаясь в гости к своей тётке. В малочисленную свиту Дмитрия входили его друзья и слуги, умеющие держать язык за зубами.

Встреча Дмитрия с тверской княжной Марией произошла на теремной террасе, вознесённой на столбах на уровень второго яруса и укрытой тесовой кровлей. Лето ныне выдалось нестерпимо знойное, поэтому Мария Александровна велела челядинцам накрыть на стол не в душевой трапезной, а на свежем воздухе в тени от крон высоких вишнёвых деревьев.

Таким образом, смотрины происходили под видом завтрака. Кроме тверской княжны и Дмитрия за столом также находились Мария Александровна, Анастасия Фёдоровна и трое друзей юного московского князя. Это были: княжич Остей да бояричи Федька Свибл и Федька Беклемиш.

Двенадцатилетняя тверская княжна прекрасно сознавала, что всё это застолье затеяно неспроста и эти знатные отроки в богатых одеждах приехали сюда не просто так. Не зная, как подавить своё смущение, княжна Мария сидела, потупив очи и почти не притрагиваясь к яствам. Несмотря на жару, мать нарядила её в длинное золотоканое платье византийского покроя. В этом роскошном, несколько тяжеловатом наряде юная княжна смотрелась значительно старше своих лет. Тёмно-русые волосы княжны были заплетены в длинную косу, чело её было украшено диадемой с подвесками из серебра и жемчуга.

С нарумяненными щеками и с подведёнными сурьмой глазами княжна выглядела как кукла. Черты её лица не блистали красотой и мягкой женственностью линий. У княжны были тяжёлые, чуть выступающие скулы, крупный нос, большой рот, низкие густые брови и невысокий, заметно скошенный лоб. Лицо её было схоже с дождевой каплей, зацепившейся за лист дерева и готовой вот-вот сорваться вниз, – оно имело форму сильно вытянутого овала, зауженного сверху и расширяющегося книзу. Толстые губы княжны, даже растянутые в улыбке, не придавали привлекательности её лицу, поскольку между ними при этом становились видны её кривые неровные зубы. Голос у княжны был неуверенный и сиплый, ей приходилось то и дело прокашливаться, чтобы в её невнятном бормотании князь Дмитрий мог расслышать хоть какой-то смысл. Вопросы княжне задавали её мать и Мария Александровна, всячески старав-

шиеся разговорить эту изнывающую под румянами девочку. Княжна сознавала, что она некрасива, и от этого делалась ещё более замкнутой.

Дмитрий тоже говорил мало и почти не улыбался. Лишь для приличия отведав квасу и черничного пирога, он стал собираться в путь.

Догнав племянника в полутёмном теремном переходе, Мария Александровна негромко обратилась к нему:

– Что же ты заспешил, свет мой? И не потрапезничал толком? Куда тебе в такую жару ехать?

– Извини, тётушка, – ответил Дмитрий, не поднимая глаз. – Дел у меня много в Москве. И не токмо там...

– Молви прямо, голубь мой: не приглянулась тебе тверская невеста? – Мария Александровна взяла Дмитрия за руку.

– Тебе лгать не стану, тётушка, – ответил Дмитрий со вздохом. – Совсем не по сердцу мне эта княжна. Я бы лучше на тебе женился, чем на ней.

– Лестно мне слышать такое из твоих уст, племяш, – коротко рассмеялась Мария Александровна, не выпуская ладонь Дмитрия из своих рук. – Токмо мне ведь уже тридцать шесть лет да и родня мы с тобой, хоть и не кровная.

– Ты и десять лет назад красотой блистала, и ныне от тебя глаз не оторвать, тётушка, – проговорил Дмитрий, сдерживая волнение. – Это всякий скажет, кто видел тебя и знает.

– Что толку-то, племяш, – печально обронила Мария Александровна. – Краса у меня есть, а счастья нет. Живу как кукушка, без мужа и без детей. – Она вдруг прижала ладонь Дмитрия к своей груди и прошептала: – Вот ношу траур по супругу своему и по детям, в церковь хожу и на исповедь, а самой иногда так мужских объятий хочется, хоть на стену лезь!

У Дмитрия от неожиданности вспыхнули жаром уши и щёки, когда он ощутил на своих губах горячий и страстный поцелуй своей красивой тётки.

– Будь смелее со мной, племяш, – шепнула Мария Александровна на ухо Дмитрию. – Тогда ласки мои дождём на тебя осыплются. Недаром говорят, у перезрелого яблока сок слаще мёда, а вдовушка в постели порой милее молодежи...

Дмитрий привлёк к себе Марию Александровну, крепко обхватив её за талию. В свои пятнадцать лет он был выше её на полголовы.

– Приезжай негласно ко мне в Москву, – тихо проговорил Дмитрий. – За речкой Яузой у меня есть сельцо, место тихое и неприметное. Там нам никто не помешает.

– Лучше ты ко мне навещайся, голубь мой, – негромко проронила Мария Александровна. Её большие прекрасные глаза таинственно блестели в душном полумраке. – Сам видишь, я посреди чащи живу, здесь нету ни глаз, ни ушей любопытных. Челядинцы мои – люди надёжные. Дома будешь говорить, что поохотиться едешь, ты ведь частенько в этих краях оленей гоняешь. Никто ничего не заподозрит.

– Будь по-твоему, – кивнул Дмитрий, вновь запечатлев поцелуй на сочных устах Марии Александровны.

Глава восьмая. Пожар

На полсвета хватит злобы у князя Михаила Александровича, что держит свой стол в городке Микулине неподалёку от Твери. Трагичная судьба деда, отца и старшего брата, убитых в Орде из-за происков Москвы, не давала покоя мстительному Михаилу Александровичу. Потомки хитрого Ивана Калиты надолго утвердили за собой высокий владимирский стол, богатая через это и прибирая к рукам соседние земли. Тридцатилетний Михаил Александрович пребывал в самом цвету мужественности. Ему было горько и досадно коротать свои дни в захудалом Микулине, на мелководной речке Шоше. Честолюбивый микулинский князь был из породы тех людей, которые в погоне за призраком ускользающей славы способны наломать дров и пойти на любые крайности. Внук и сын достославных князей Михаил Александрович с детства испытал унижительные скитания по чужим углам, он болезненно переживал закат когда-то могучей и богатой Твери.

Внешность Михаила Александровича не могла не притягивать взгляд, он был статен и красив, уродившись в дедову породу, люди робеют от одного его властного взгляда. Ему бы на тверском столе сидеть, а не в микулинской глухомани! Родная сестра Мария, вдова Симеона Гордого, в Москве великой княгиней величается. Ульяна, другая сестра, – тоже великая княгиня, будучи замужем за литовским князем Ольгердом. Сильно уязвляло гордого Михаила Александровича его нынешнее прозябание в Микулине, в народе уже и поговорка сложилась, мол, на Шоше кто поплоше... В былые времена в Микулин-град, затерянный в лесах, тверские князья ссылали своих родичей, провинившихся в чём-либо.

Покуда моровое поветрие свирепствовало на Руси, Михаил Александрович жил надеждой, что злой недуг скосит юного московского князя, покуда ещё бездетного, и таким образом появится возможность для возрождения былого величия Тверского княжества. Однако моровая язва постепенно сошла на нет, а московский князь-отрок как владел великим столом владимирским, так и владеет им по сию пору. Даже гневные окрики из Орды ныне ему не указ! Хан Азиз пожаловал было великим ярлыком суздальского князя, но тот отказался от сего дара в пользу Москвы, ища у неё подмоги в своей склоке с младшим братом из-за Нижнего Новгорода. Такое положение вещей выводило из себя гневливого Михаила Александровича. «Сопляк-отрок московский вершит судьбы князей, кои ему в отцы годятся!» – злобствовал он, мечась по своему тесному бревенчатому терему.

Михаил Александрович втайне от своих приближённых даже стал Сатане молиться, желая зла юному Дмитрию.

И вот в один из знойных августовских дней пришла в тихий сонный Микулин ошеломительная весть: в Москве пожар случился, да такой, что за несколько часов от города и посада одни головешки остались. Одних только церковей сгорело тринадцать! Без кола и без двора остался весь люд московский: купцы, бояре, священники, чёрные люди – все на пепелище оказались. Стон и плач стоят ныне в уделе московского князя! Только-только черноризцы отпели умерших от мора, а теперь вот надо отпевать тех москвитян, что в пламени погибли.

Путники и торговцы, пробиравшиеся из сгоревшей Москвы через Волок Ламский и Шошу кто в Тверь, кто в Торжок, живописали московское пожарище такими словами, что горожане микулинские в ужасе за голову хватались.

А князь микулинский, мало того что обрадовался этому известию, – он собрал бояр своих и закатил пир по такому случаю. «Выходит, дошли до Сатаны мои молитвы! – с довольным видом молвил своим приближённым Михаил Александрович. – Получается, кара сатанинская на деле-то страшнее кары Господней! Пусть-ка попечалится сопляк Дмитрий, пусть покручинится, глядя на чёрное пожарище! Небось теперь ему будет не до чужих склок и распрей, поди и у бояр его гордыни-то поубавится!»

В Городец-на-Волге известие о московском пожарище привёз один местный купец, потерявший в этом бедствии весь свой товар. Княжеские люди мигом доставили этого торговца пред очи Бориса Константиновича, который учинил ему дотошный расспрос. Вызнав все подробности московской беды, Борис Константинович щедро отсыпал серебра сему очевидцу.

В этот же день на обедне в храме Борис Константинович принялся одаривать всех прихожан и нищих деньгами, собственноручно вынимая их из кошель, привешенного к поясу. Люди в толпе недоумевающе перешёптывались, ибо скардность Бориса Константиновича всем была хорошо известна.

– Чему дивиться, други, – прозвучал чей-то голос в людской толчее. – У московского князя град весь выгорел, а сие для нашего князя великая радость! Обида и злость Борису Константиновичу весь свет заслонили, печаль его снедает, что не удержался он в Нижнем Новгороде. И повинен в сём князь московский!

Глава девятая. Дело брачное и дело бранное

Большой совет собрался в княжеском сельце Кудрино, что на Яузе-реке. В просторной горнице загородного княжьего терема расселись по лавкам длиннородые бояре и воеводы, главы купеческих братчин, кончанские старосты, княжеские тиуны и огнищане... Среди степенных седовласых мужей, облачённых в длинные одежды из парчи и бархата, сверкающих золотом украшений, несколько необычно смотрелся юный князь Дмитрий в обычной льняной рубахе белого цвета с красным оплечьем, с серебряной витой гривной на шее и с золотой диадемой на слегка выющихся тёмно-русых волосах.

Также довольно необычно смотрелась в этом мужском собрании единственная женщина, облачённая в тёмное траурное платье до пят, с чёрным покрывалом на голове, из-под которого у неё на лбу виднелся еле заметной узкой полоской край белого платка. Это была вдовствующая княгиня Мария Александровна, которой князь Дмитрий оказал честь, пригласив её на это совещание и усадив на стул по правую руку от себя. Слева от княжеского трона на другом стуле восседал двоюродный брат московского князя двенадцатилетний Владимир, князь серпуховской.

На этом совете решались наиважнейшие насущные заботы, первой и главной из которых было возрождение из пепла града Москвы и обеспечение погорельцев провиантом. Предстояло до первого снега выстроить дома и надворные постройки, обеспечить крышей над головой двадцать тысяч семей. Поскольку у многих бояр и купцов сгорело не только всё имущество, но и хлебные закрома, поэтому продовольственная проблема стояла очень остро.

И наконец, предстояло решить, что делать с остатками бревенчатых стен и башен Москвы, которые не сгорели полностью, но тоже сильно пострадали от огня.

Князь Дмитрий сам накануне осмотрел городскую стену, вернее, то, что от неё осталось. Теперь он излагал перед советом своё мнение.

– Три башни сгорели дотла, шесть башен обгорели почти наполовину, – хмуро молвил юный князь. – Городская стена сильно повреждена пожаром на всём её протяжении. Местами срубы выгорели полностью с внутренней стороны, так что вся забутовка из земли и булыжников вывалилась наружу. Там, где огонь не подпалил стену, брёвна срубов осели и расползлись от сильнейшего жара, часть деревянных заборолов просто превратились в труху, на них даже подниматься опасно, ибо всё грозит обрушиться в любой момент. Полагаю, бояре, сию стену нужно сносить и на её месте возводить новую... из камня.

Дмитрий умолк и оглядел бородатые лица собравшихся знатных мужей. В помещении было довольно сумрачно, поскольку небольшие оконца пропускали совсем мало света. Это сентябрьское утро выдалось довольно пасмурным, предвещая непогоду. Дмитрию было не разобрать выражение лиц кое-кого из своих советников, рассеявшихся по тёмным углам, зато он прекрасно слышал их изумлённые голоса и перешёптывания.

Самые властные и решительные из бояр не стали молчать. Они принялись возражать своему юному князю.

Первым заговорил Василий Вельяминов: как тысяцкий, он имел на это полное право.

– Княже, твоя забота об укреплении Москвы понятна и похвальна, – сказал тысяцкий, – но сие дело нам сейчас не потянуть, ибо сначала надо помочь людям жильё возвести. Храмы восстановить нужно, хлеб где-то закупить... Да мало ли дел неотложных!

– Верные слова! – поддержал тысяцкого его тесть Михайло Угрин. – У нас не токмо в хлебе нужда, многие люди остались без тёплой одежды и обуви, а ведь холода не за горами. Лошадей не хватает даже на то, чтобы брёвна из лесу подвозить, а ведь для доставки камня коней потребуется ещё больше. Да и где взять добротный камень для строительства стен?

Бояре одобрительно загалдели, соглашаясь с тестем тысяцкого. Не дело замышляет князь! Не понимает он всех трудностей!

– Мой дед Иван Калита добывал камень-известняк за устьем Протвы у села Мячково, когда возводил в Москве каменные храмы, – повысил голос Дмитрий. Он поднял правую руку, призывая к тишине. – Эти каменоломни так и прозываются Мячковскими. Вот откуда можно будет возить каменные плиты. Понимаю, что путь туда не близок, не меньше полусотни вёрст, но все прочие каменоломни расположены ещё дальше. Камень удобнее всего свозить на санях по льду Москвы-реки, то есть в зимнюю пору. Стало быть, у погорельцев будет время на то, чтобы новые дома поставить. До первого снега, думаю, все с этим управятся. Заодно снесём старую деревянную стену и подготовим место для закладки новой каменной стены.

Настаивая на строительстве каменных укреплений, Дмитрий упомянул и о том, что в этом намерении его поддерживает митрополит Алексей, который не пришёл на совет, поскольку неожиданно занемог. Дмитрий передал совету слова митрополита. «Конечно, нужно ставить заново терема, амбары, клети, бани, конюшни... И возводить всё это надо, не откладывая! – сказал владыка Алексей навестившему его Дмитрию. – Но чтобы возрождённый город не стал добычей врагов, его необходимо как можно скорее обнести каменной стеной. В былые времена бревенчатые стены Москвы трижды сгорали от пожара внутри града. Пришла пора поставить несгораемые стены и башни. Дабы Москва стояла неприступно, как Рим и Царьград!»

Как было издавна заведено на подобных советах знати, всё решилось путём открытого голосования. В результате мнение князя Дмитрия возобладало над мнениями противников столь поспешного возведения каменной стены вокруг Москвы. Причём сторонники князя Дмитрия взяли верх в этом голосовании перевесом всего в два голоса.

Сразу после совещания у князя братья Вельяминовы собрались в усадьбе Тимофея Вельяминова, расположенной в верховьях речки Неглинки.

Василия Вельяминова возмущало то, что князь Дмитрий слишком часто стал вступать с ним в спор, настаивая на своём. Тысяцкий чувствовал, что Дмитрий уже тяготится его опекой, не желает внимать его советам.

– Это митрополит Алексей подталкивает Дмитрия к тому, чтобы он вышел из-под твоей воли, – молвил брату Василию Тимофей Вельяминов. – Старый хрыч сам желает быть главным и единственным советником при Дмитрии.

– Что и говорить, владыка Алексей в речах вельми смыслён, ему ничего не стоит убедить Дмитрия в чём угодно, – заметил Фёдор Воронеж, третий по старшинству из братьев Вельяминовых. Своё прозвище Фёдор получил за иссиня-чёрный цвет волос и бороды.

– Это верно, – проворчал Василий Вельяминов, – тягаться в красноречии с митрополитом Алексеем никому из бояр не под силу. Благодаря этому владыка Алексей имеет сильное влияние на Дмитрия. К тому же митрополит является духовным отцом нашего несмышлёного князя, который ростом вытянулся и уже возомнил себя взрослым мужем!

– Складно сегодня говорил на совете князь Дмитрий, токмо словеса его отдавали ладаном из митрополичьих палат, – сердито промолвил Тимофей Вельяминов. – Выживший из ума старик возжелал на месте Москвы Третий Рим увидеть, а князёк наш безусый и рад-радёшенек подсобить ему в этом! А о том не подумал князь Дмитрий, сколь рабочих рук на это дело потребуется, сколь денег на сие начинание отвалить придётся. И где взять столько каменщиков искусных, ведь не храм возводить придётся, а стену с башнями почти в две версты длиной! Воистину, бредовая затея!

– Конечно, проще и разумнее было бы возвести новую деревянную стену, да и дешевле гораздо, – согласился с братом Тимофеем Василий Вельяминов. – Однако, настаивая на своём, Дмитрий перехитрил меня. Он ведь не зря пригласил на совет княгиню Марию Александровну и своего брата Владимира. В результате их-то голоса и дали Дмитрию перевес надо мной и

моими сторонниками. – Тысяцкий негромко чертыхнулся. – Желторотый Владимир так и глядит в рот Дмитрию, а тот и рад этому! Вдовушка Симеонова тоже во всём Дмитрию поддакивает да самолюбие его тешит. Ненавидит она меня в душе, потому и мстит мне, толкая Дмитрия к неприятию моих советов.

– Мария Александровна красотой лепа, вот Дмитрий к ней и тянется, – вставил Юрий Грунок, самый младший из братьев Вельяминовых. – Опять же княгиня Мария была близкой подругой покойной Дмитриевой матери, а сие тоже кое-что значит. Ведь и мать Дмитрия некогда тоже в думе Боярской заседала.

– Сестра наша Александра Васильевна по праву занимала место в думе Боярской, как мать князя Дмитрия, – проговорил Василий Вельяминов, строго взглянув на Юрия. – А вдова Симеонова пришла сегодня на совет не по праву, но по прихоти мальчишки Дмитрия. Разумеешь разницу, брат?

– Что ж, князь Дмитрий волен звать на совет кого пожелает, – пожал плечами Юрий Грунок. – Этого ему запретить никто не может.

– В том-то и дело! – пробурчал Василий Вельяминов, раздражённо барабанив пальцами по подлокотнику кресла. – Коль так будет и впредь, то племянничек наш всякий раз над нами верх брать будет. А его новые любимцы со временем вытеснят из Боярской думы всех наших единомышленников.

– Что же делать, брат? – промолвил Фёдор Воронеж, взглянув на Василия Вельяминова.

– Опутать надо Дмитрия твоей дочерью, – ответил тысяцкий, многозначительно выгнув густую бровь. – Кристина твоя – девица бойкая и пригожая; коль Дмитрий влюбится в неё по уши, то она сможет вертеть им, как захочет. И нам от этого будет благо!

– Верно молвишь, брат! – поддержал Василия Тимофей Вельяминов, подсев поближе к нему. – Надо покумекать, как и где свести вместе Крестинку и Дмитрия. Эх, раньше нам следовало бы это сделать! Чего мы тянули? – досадливо вырвалось у Тимофея.

– Раньше у Дмитрия возраст был не тот, опять же мор по Москве гулял, – сказал Василий Вельяминов. – Зато теперь и Дмитрий для брака созрел, и Кристина ныне в самом соку.

– А не будет ли помехой то, что дочь моя на год старше Дмитрия? – выразил некоторое сомнение Фёдор Воронеж.

– Об этом не тревожься, брат, – махнул рукой Василий Вельяминов. – Была бы невеста хороша собой, а всё прочее не важно!

* * *

В эту же пору на Рязанское княжество совершила набег орда татарского царевича Тагая, державшего свою ставку в Мордовской земле. Тагай разорил и сжёг Рязань, взяв богатую добычу и полон, но при отходе татар настигла рать рязанского князя Олега, вместе с которым действовали дружины пронского и козельского князей.

Битва развернулась возле Шишовского леса. Татар было гораздо больше, чем русичей, но застигнутые врасплох ордынцы были наголову разбиты.

«И бысть брань зело люта и сеча зла, – сообщает об этой битве Никоновская летопись, – много воев пало с той и с другой стороны; первыми не выдержали татары и обратились вспять, бросая копья и стяги, покидав обозы с награбленным добром. Сам хан Тагай был ранен и с трудом смог ускакать в сопровождении нескольких телохранителей. Гнались за ним рязанцы, но настичь не смогли...»

Весть об этой победе русских дружин над татарами широко разнеслась по Руси.

Князь Олег, возгордившись после столь громкого успеха, отважился на дело подлое и коварное. Воспользовавшись тем, что от Москвы остались обгорелые руины, рязанский князь вторгся со своим войском в пределы Московского княжества. Олегом двигала месть, поскольку

московляне в княжение Ивана Красного отвоевали у рязанцев Новый Городок в устье реки Протвы и три волости за рекой Окой. Впрочем, Иваном Красным в своё время тоже двигала месть, ведь Олег отбил у москволян город Лопасню в год смерти Симеона Гордого. Эта вражда между Москвой и Рязанью тянулась ещё со времён князя Даниила, сына Александра Невского, захватившего у рязанцев Коломну.

Рязанцы опустошили несколько деревень в окрестностях Серпухова, затем вышли к Протве и взяли в осаду городок Перемышль. По реке Протве в ту пору проходил юго-западный рубеж Московского княжества.

Князь Дмитрий не имел времени для сбора большой рати, поэтому он призвал на помощь суздальского князя Дмитрия Константиновича, памятуя о том, что всего три месяца тому назад тот тоже обращался к нему за подмогой. Суздальский князь отплатил добром за добро, выступив вместе с московскими полками против рязанцев.

Олег Рязанский был разбит соединённой московско-суздальской ратью и бежал за Оку в свои пределы. Правда, Перемышль рязанцы всё же успели разорить.

Отпраздновать эту победу Дмитрий Константинович пригласил московского князя к себе в Суздаль. Во время этого застолья юный князь Дмитрий впервые увидел младшую дочь суздальского князя Евдокию, которая поднесла ему заздравную чашу с греческим вином. Евдокии было пятнадцать лет, как и Дмитрию.

О дальнейшем москволяне, побывавшие на том пиру, рассказывали по-разному. Люди из окружения братьев Вельяминовых распускали слух, будто княжна Евдокия опоила князя Дмитрия вином, куда было подмешано приворотное зелье. Иначе как объяснить то, что уже на другой день свершилась помолвка между Дмитрием и Евдокией. Братья Вельяминовы упрекали суздальского князя в хитром расчёте. Мол, он намеренно привёз младшую дочь из Нижнего Новгорода в Суздаль, выгадав возможность, чтобы свести её лицом к лицу со своим московским тезкой. Не одолев московского князя в открытом противостоянии, расчётливый Дмитрий Константинович решил возвыситься через родство с ним.

Люди, облечённые доверием юного князя Дмитрия, утверждали, что дивный образ суздальской княжны однажды явился ему во сне. Этот девичий лик запал Дмитрию в сердце, лишив его покоя. Увидев княжну Евдокию в пиршественном зале, Дмитрий от волнения едва не лишился дара речи. Его сон неожиданно воплотился наяву! Потому-то Дмитрий столь поспешно попросил у суздальского князя руки его младшей дочери. По обычаю, сначала надлежало заслать сватов к отцу невесты, лишь после этого можно было совершить предсвадебную помолвку. В случае с Дмитрием и Евдокией сватовство и помолвка свершились в один день.

Глава десятая. Свадьба в Коломне

Едва задули холодные зимние ветры и выпал первый снег, московский князь перебрался со своей дружиной и челядью из сельца Кудрино в город Коломну, расположенный при впадении Москвы-реки в Оку. Сюда же в середине зимы прибыл длинный санный поезд из Суздаля, сопровождаемый множеством верховых. Это приехала суздальская княжна Евдокия со всей своей роднёй.

В ту пору московский летописец записал в своём труде: «Той же зимой месяца января в 18-й день женился великий князь Дмитрий Иванович, появ у великого суздальского князя Дмитрия Константиновича дочь его Евдокию, а свадьба бысть в Коломне...»

Наступил год 1366-й.

Москва уже почти полностью отстроилась, на холмах между Москвой-рекой и Неглинкой выросли терема из гладко оструганных сосновых брёвен, высокие частоколы из белых осиновых и берёзовых кольев отгородили друг от друга заново возведённые боярские дворища. Новенькие тесовые крыши и маковки теснились вокруг белокаменных храмов, очищенных от копоти и побелённых известью. Ещё стучали топоры и визжали пилы на Подоле и в Зарядье, где продолжали строить дома и амбары, ещё тянулись к Москве обозы с брёвнами, ибо много дел ещё предстояло завершить, но главное к началу зимы было сделано – у людей имелось тёплое прочное жильё.

Люд московский пребывал в приподнятом настроении – от вида бело-розовых и белоголубых плит известняка, которые изо дня в день подвозили на санях смерды к подошве Боровицкого холма.

Бесперывно тянулись обозы с камнем, и целая гора известняковых глыб росла на глазах. Камень доставляли по накатанному зимнику и в стужу, и в метель, и в оттепель. С утра до вечера по всему городу разносился перестук молотков и звон тесал, вгрызающихся в камень. Это трудились каменщики, созванные в Москву из Суздаля, Пскова и Новгорода. Гладко obtёсанные каменные блоки с помощью воротов и подъёмных механизмов мастера-строители плотно подгоняли один к другому, скрепляя их вязким раствором. Основание длинной белокаменной стены протянулось вдоль низкого берега Москвы-реки и по крутому берегу Неглинки, тут и там высились пузатые остовы возводимых каменных башен, окружённых строительными лесами. Москва превращалась в белокаменную крепость!

На свадебном застолье в Коломне шли разговоры и пересуды о возводимых из камня московских стенах и башнях. Гости, приехавшие на свадьбу, с невольным уважением поглядывали на юного московского князя. Кто бы мог подумать, что в пятнадцатилетнем отроке окажется столь зрелый ум и такая сильная воля! Всем было ведомо, что среди бояр московских нашлось немало таких, кто не желал тратить огромные деньги из казны на каменное строительство, ведь Москву надо было из пепелища поднимать! Но всё же юный князь Дмитрий настоял на своём, улomал-таки всех колеблющихся и недовольных в своём окружении.

Присутствовали на свадьбе и братья Вельяминовы. Все они сидели на почётных местах, поскольку доводились роднёй московскому князю. Однако особой радости от происходящего братья Вельяминовы не испытывали, ибо не удалось им осуществить свой замысел, женить Дмитрия на двоюродной сестре Кристине.

Василий Вельяминов в последнее время ходил мрачнее тучи. Должность тысяцкого обязывала Василия Вельяминова постоянно находиться в Москве, дабы неустанно следить за возведением каменной стены, улаживать споры между посадскими людьми и купцами, вникать во все затруднения, которые сваливаются на головы горожан. По этой причине Василию Вельяминову удавалось нечасто навещаться в Коломну, а между тем в окружении князя Дмитрия возросло влияние «пришлых» бояр, то есть прибывших на службу к московскому князю со

стороны. Эти «пришлые» бояре понемногу оттесняли родовитых московских вельмож от княжеского трона.

Среди новых советников князя Дмитрия особенно выделялись двое: литовец Фёдор Ольгердович, чей сын Остей состоял чашником при московском князе, и воевода Дмитрий Михайлович, по прозвищу Боброк, женатый на родной сестре московского князя. Воевода Боброк тоже принадлежал к литовской династии Гедиминовичей, являясь сыном князя Кориада Гедиминовича, получившего в крещении имя Михаил. Своё прозвище Дмитрий Боброк получил по названию речки на Волыни, где когда-то была его вотчина.

– Литовцы так и выются вокруг князя нашего, как мухи над мёдом! – ворчал Василий Вельяминов. – В Боярской думе скоро плюнуть будет некуда – попадёшь в литовца! Разве было такое при Симеоне Гордом?

– Москва крепнет и богатеет, а это и привлекает сюда удалцов и честолюбцев из Гедиминова гнезда, – молвил брату Тимофей Вельяминов, поставленный Дмитрием тысяцким в Коломне. – Уж лучше литовцев на службу брать, чем крещёных татар.

Тимофей втихомолку поведал Василию о том, что Дмитрий взял на службу ещё одного ордынского бея, по имени Черкиз. Мол, этот Черкиз-бей принял веру Христову вместе со всеми своими людьми, получив от московского князя в кормление несколько волостей на реке Пахре.

– Те земли были выморочными, ибо их владельцы-бояре умерли во время недавнего мора, – жаловался брату Тимофей. – Я хотел было прикупить эти луга и сёла, хорошую цену давал, но князь не пошёл на сделку со мной, предпочтя уступить эти земли Черкиз-бею. Вот и служи князю верой и правдой!

Василий Вельяминов перед началом свадебного пира сообщил князю Дмитрию, что его новые хоромы в Москве полностью готовы. «Мебель расставлена, ковры расстелены, печи в светлицах протоплены, – отчитался тысяцкий. – Можно въезжать хоть сегодня, княже».

Однако Дмитрий не спешил уезжать из Коломны, ему здесь нравилось. Город стоит на высоком холме, окружённый рвами и валами. Вокруг лежат леса и болотистые низины. Бывало, и отец Дмитрия подолгу жил в Коломне. Это ведь был удельный град Ивана Красного до его вокняжения в Москве.

По распоряжению Дмитрия Василий Вельяминов сразу после свадебных торжеств отправился обратно в Москву, прихватив с собой богатое приданое суздальской княжны. Дмитрий повелел тысяцкому убрать эти богатства в его сокровищницу.

Уезжая из Коломны, Василий Вельяминов посоветовал братьям Тимофею и Фёдору Воронцу не терять времени даром, делая всё для того, чтобы опутать дочь Фёдора серпуховского князя Владимира.

«Сей орлёнок со временем высоко взлететь может, помяните моё слово, – сказал братьям Василий Вельяминов. – Может статься, что Владимир и на московский стол вспорхнёт! Ведь князь Дмитрий не вечен. И поздоровее его князья до срока в могилу сходили: кто от болезни, кто от меча вражеского, а кто и от яду... В жизни князей случается всякое. Поэтому будет лучше, ежели Владимир Андреевич станет нашим близким родственником. Благо он теперь в том возрасте, когда в юнцах пробуждается тяга к девичьим прелестям. А наша Кристина – ягода спелая. На неё всякий молодец облизнётся!»

Глава одиннадцатая. Борис Константинович

Присутствовал на свадьбе в Коломне и младший брат отца невесты. Борис Константинович хоть и сидел на застолье с приветливым лицом, однако в душе у него копилась злоба против старшего брата, который отныне обретал сильную опору в лице своего зятя. Борис Константинович жил надеждой, что ему со временем удастся-таки прибрать к рукам Нижний Новгород, нужно лишь дождаться размирья между его старшим братом и московским князем. Теперь с этой надеждой Борису Константиновичу пришлось распрощаться.

Борис Константинович считал, что суздальские Рюриковичи знатнее и славнее по своим предкам Рюриковичей московских, а посему им надлежит стоять во главе Руси. Род Ивана Калиты происходит от младшего сына Александра Невского, и его возвышение связано с интригами московских князей, с милостью к ним ордынских ханов, но никак не со старинным родовым правом. Слабоволие его старшего брата, смирившегося с главенствующим положением Москвы, выводило из себя честолюбивого Бориса Константиновича, который мириться с этим не собирался. К неповиновению Москве подталкивала Бориса Константиновича и его жена Агриппина, дочь литовского князя Ольгерда.

На обратном пути из Коломны в свой поволжский удел Борис Константинович проезжал мимо Москвы, недавно заново отстроенной после пожара. Его поразил вид возводимой белокаменной стены, которая уже полукольцом охватила город, раскинувшийся на холмах над Москвой-рекой.

Прибыв в Городец-на-Волге, Борис Константинович после совета с женой и с ближними боярами решил действовать. Первым делом он отправил верного человека в Орду, дабы известить Мамаю о строительной деятельности юного московского князя, который всю ордынскую дань тратит на свои нужды. Гонцом Бориса Константиновича к Мамаю стал литовец Вилкул, выдвинутый на это дело Агриппиной Ольгердовной.

Этой же зимой Борис Константинович наведлся в Микулин к тамошнему князю Михаилу Александровичу, который доводился ему роднёй, поскольку был женат на его родной сестре Евдокии Константиновне. Михаил Александрович был объят ещё большей злобой против московского княжеского дома, поэтому известие о том, что отрок-князь московский обновит свой стольный град каменной стеной, пробудило и в нём желание противодействовать возвышению Москвы по мере сил. Два князя заключили между собой тайный союз, вознамерившись объединить свои усилия в противостоянии Москве. При этом Борис Константинович собирался опереться на помощь из Орды, метя на нижегородский стол, а Михаил Александрович рассчитывал на поддержку Ольгерда, намереваясь согнать с тверского стола своего дядю Василия Михайловича.

«Надо покончить с мальчишкой Дмитрием, покуда он не возмужал и не наплодил наследников, – молвил Михаил Александрович с грозным блеском в глазах. – Коль нам удастся натравить на Москву татар и литовцев, тогда с подлым Калитиным родом будет покончено навсегда! Иначе повзрослевший московский князь рано или поздно с нами покончит. Он уже в столь юные годы во всём проявляет волчью хватку, совсем как его дед Иван Калита!»

Борис Константинович был полностью согласен со своим свояком, который, как и он, не желал прозябать в неизвестности, имея столь родовитых предков-князей.

Глава двенадцатая. Постылая невеста

– Ну вот, братец, ныне тебе исполнилось тринадцать лет, пора и о женитьбе подумать, – сказал Дмитрий, потрепав Владимира по плечу. – Чего ты глаза вытаращил? Я-то женат уже, а моя Дуня вот-вот ребёночком разродится. Получается, скоро я отцом стану.

– Ты-то в пятнадцать лет под венец пошёл, брат, – возразил Владимир. – Чего же мне спешить с этим делом? Я и учение-то книжное ещё не завершил. Ларгий молвит, что не овладел я покуда ни греческой грамотой, ни латинской. По-славянски и то пишу с ошибками!..

– Для женитьбы большой учёности не надо, братец, – сказал Дмитрий. – Ты – князь, поэтому тебе наследник нужен. Чем раньше он у тебя появится, тем лучше. И митрополит Алексей о том же говорит.

– Да Бог с тобой, брат! – Владимир вскочил со стула. – У меня и невесты на примете нету. И вообще...

– Невесту я тебе уже подыскал, братец. – Дмитрий мягко, но властно усадил Владимира обратно на стул. – Зовут её Мария, ей тоже тринадцать лет, она из рода тверских Мономашичей. Отец её умер от морового поветрия два года тому назад, а недавно и мать её скончалась от неизлечимой хвори.

– А-а, ведаю, о ком ты говоришь, брат! – закивал головой Владимир, с недовольным прищуром взглянув на Дмитрия. – Эта тверская княжна уже второй год живёт в Марьино у твоей тётки Марии Александровны. Её ведь поначалу за тебя сватали, брат. Однако эта невеста тверская не приглянулась тебе, и ты не стал на ней жениться, выбрав себе суженую покрасивее! Остей рассказывал мне о сей тверской княжне, мол, зубы у неё кривые, нос безобразный и выглядит она мужиковато... Остей же ездил с тобой в Марьино на смотрины, брат. Не нужна мне такая невеста! – Владимир фыркнул и обиженно откинулся на спинку стула.

Этот разговор происходил в московском тереме Дмитрия, в светлице на втором ярусе, где хранились книги и различные бумажные свитки. Дмитрий любил здесь уединяться, читая что-нибудь интересное или сочиняя послание кому-нибудь. Для письма тут имелось всё необходимое: гусиные перья, чистая бумага, чёрные и красные чернила. Имелись и круглые свинцовые печати с отверстиями для шнура, эти вислые печатные штампы обычно подвешивались снизу к бумажному свитку.

Зная любовь Дмитрия к книжному чтению, его друзья и родственники часто дарили ему книги на русском и на греческом языках. Дмитрий неплохо читал по-гречески, поднаторев в ромейской грамоте благодаря митрополиту Алексею. Вот и на этот раз Дмитрий привёл Владимира в свою библиотеку, желая показать ему новые книги.

Просмотр книг завершился самым неожиданным образом. Владимиру просто стало не до этого, поскольку его рассердила настойчивость Дмитрия, возжелавшего выдать за него тверскую княжну Марию.

– Скажи, брат, ты за этим и вызвал меня из Серпухова? – негодовал Владимир, захлопнув толстый фолиант в кожаном переплёте с переводом на русский язык сочинений древнегреческого писателя Плутарха. – Твой гонец сказал мне, что ты зовёшь меня в Москву по весьма важному делу. Это и есть твоё важное дело?

– Не кипятись, братец, – примирительно произнёс Дмитрий. – Выбор суженой тоже дело важное. Однако призвал я тебя сюда совсем не за этим. – Дмитрий тяжело вздохнул. – Вчера из Твери прибыли Василий Михайлович с племянником Еремеем Константиновичем с жалобой на Тверского епископа, который несправедливо рассудил их с микулинским князем Михаилом Александровичем.

Растолковывая Владимиру суть этой межкняжеской распри, Дмитрий вышел из-за стола и по своей привычке принялся расхаживать по светлице от дверей до глухой стены с полками

и обратно. На нём была длинная светло-бежевая рубаха, расшитая серебристыми витыми узорами, стянутая на талии поясом. Довольно длинные волосы Дмитрия были скреплены на лбу узкой повязкой из мягкой кожи.

Владимир внимательно слушал Дмитрия, пересев от стола на скамью у бревенчатой стены, завешанной медвежьей шкурой.

В городке Вертязине, что лежит на Волге-реке близ Твери, недавно умер тамошний князь Симеон, старший брат Еремея Константиновича. Перед смертью Симеон завещал свой удел не родному брату Еремею, как полагалось по дедовскому обычаю, а микулинскому князю, состоявшему с ним в двоюродном родстве. Будучи старшим среди нынешних тверских князей, Василий Михайлович вступился за Еремея, вынеся это дело на суд Тверского епископа. Тверской владыка неожиданно выступил на стороне микулинского князя, передав Вертязин в его владение. Василий Михайлович и Еремей Константинович не смирились с таким решением епископа, вознамерившись искать правды у митрополита и у великого московского князя.

Помимо этого Василий Михайлович выражал опасение по поводу военных приготовлений микулинского князя, который возвёл бревенчатую крепость в Старице, выше Твери по течению Волги. От Старицы до Твери рукой подать. Это говорит о том, что Михаил Александрович собирается силой перебраться на тверской стол. Василий Михайлович просил московского князя помочь ему изгнать ратников микулинского князя из Старицы.

– Ныне войной сильно запахло, братец, – мрачно подвёл итог Дмитрий, присев на скамью рядом с Владимиром. – Враждовать с микулинским князем дело опасное и непредсказуемое, ибо у него за спиной стоит Ольгерд, его родственник. Мне сейчас важнее достроить крепостную стену в Москве, нежели враждовать с Михаилом Александровичем. Однако и допустить, чтобы Михаил Александрович сел князем в Твери, изгнав оттуда своего дядю, тоже никак нельзя. Василий Михайлович давний и верный союзник Москвы, а микулинский князь нам враждебен.

– Что же делать, брат? – спросил Владимир.

– Надо замирить Василия Михайловича и Михаила Александровича, не доводя дело до кровопролития, – ответил Дмитрий. – Я надеюсь на то, что слово митрополита Алексея вынудит микулинского князя отказаться от Вертязина в пользу Еремея Константиновича.

– Не думаю, что Михаил Александрович подчинится решению митрополита, – с сомнением покачал головой Владимир. – Он же упрямец и честолюбец, каких поискать!

– Поживём – увидим, – коротко обронил Дмитрий.

Тверские князья-просители били челом митрополиту у него на подворье в присутствии Дмитрия и Владимира. Митрополит Алексей вынес порицание Тверскому епископу, который нарушил старинный закон о наследовании уделов. Поскольку тверской владыка не приехал в Москву, чтобы держать ответ перед митрополитом, на его имя была составлена грамота, где в письменной форме отменялось его судебное решение и было вынесено новое постановление о передаче Вертязина Еремею Константиновичу. Эта грамота была скреплена подписью и печатью митрополита.

С этой важной бумагой в руках Василий Михайлович и его племянник Еремей Константинович выехали из Москвы в Тверь. Оба пребывали в воинственном настроении, чувствуя за собой ратную силу Москвы, готовую протянуть им руку помощи, если у них дойдёт до вооружённой распри с микулинским князем.

* * *

Видя упрямое нежелание Владимира сочетаться браком с тверской княжной Марией, Дмитрий обратился за помощью в этом деликатном деле к своей тётке Марии Александровне. Та живо смекнула, какими доводами можно сломить упрямство Владимира, в котором помимо

вспыльчивости и горячности уже в эти годы был замечен возвышенный образ мыслей. В беседе с Владимиром Мария Александровна сделала упор на то, что именно он, а не братья Вельяминовы и прочие бояре, есть и будет впредь главной опорой Дмитрия, князя московского. Со слов Марии Александровны выходило, что не подвернись Дмитрию суздальская княжна, ему поневоле пришлось бы взять в жёны княжну тверскую.

«Ведь Дмитрий заинтересован в мирном соседстве с Тверью, – молвила Мария Александровна, глядя в глаза Владимиру. – Вместе с тем Дмитрию позарез нужен как союзник и суздальский князь, который в отцы ему годится. Дмитрий потому и женился столь поспешно на Евдокии, поскольку ему хотелось окончательно замирился с её надменным отцом. Любовь занимает важное место в жизни всякого человека, но для князя благополучие его вотчины важнее влечений сердца. Князья зачастую женятся, преследуя выгоду для своего княжества. Так всегда было».

Мария Александровна напомнила Владимиру про письменный клятвенный договор с Дмитрием, по которому он обязан честно и грозно укреплять власть московского князя, быть с ним заодно во всех делах.

Владимир возразил было Марии Александровне, мол, по его мнению, в договоре сказано про дела государственные и ратные, но отнюдь не про женитьбу.

«Придёт время, и ты послужишь князю Дмитрию мечом, – продолжила свои убеждения Мария Александровна, разговаривая с Владимиром как со взрослым, – ныне же ты принесёшь большую выгоду своему двоюродному брату, коль женишься на тверской княжне. Пойми, Владимир, токмо родственные связи могут уничтожить давнюю вражду между Москвой и Тверью. Это прекрасно сознавал великий князь Симеон Иванович, в своё время высватавший меня у моего старшего брата Всеволода Александровича. По этой же причине Симеонова дочь от первого брака вышла замуж за сына нынешнего тверского князя Василия Михайловича. Исходя из этой же истины, твой брат Дмитрий сватает за тебя тверскую княжну Марию, мою родную племянницу. Смирись же, Владимир, уступи Дмитрию, ибо лишь в единстве ваша сила!»

И Владимир смирился, вняв доводам Марии Александровны, к которой он всегда питал искреннюю симпатию, преклоняясь перед её умом и красотой.

Узнав от своей красивой тётки, что та сосватала ей в женихи серпуховского князя Владимира, княжна Мария не смогла сдержать бурной радости. Женитьба Дмитрия на дочери суздальского князя посеяла в душе тверской княжны страх остаться вековечной невестой, забытой всеми бедной родственницей под крылом у доброй Симеоновой вдовы. Мария Александровна собрала свою взволнованную племянницу в путь и сама поехала вместе с ней по пыльной июльской дороге мимо Москвы в сторону Серпухова, где была намечена свадьба.

Вместе с обозом Марии Александровны двигался и конный отряд юного серпуховского князя, который возвращался к себе домой.

«Ох и удружил мне брат Дмитрий! – мысленно терзался Владимир, трясаясь в седле. – Навязал-таки постылую невесту на мою шею, век бы её не видеть!»

Глава тринадцатая. Слухи из Твери

Рано утром, когда только-только начало светать, Владимир пробудился оттого, что кто-то пощекотал ему щеку. Открыв сонные глаза, Владимир увидел княжну Марию, стоящую на коленях подле его ложа. Княжна была в длинной исподней сорочице из отбелённого льна, её длинные тёмно-русые волосы были распущены по плечам. На толстых губах княжны трепетала глуповато-лукавая улыбка, её бледно-серые, чуть выпуклые глаза светились нескрываемой радостью.

– Утро доброе, любый мой! – прошептала княжна, ласково касаясь кончиками пальцев лица Владимира. – Как тебе спалось-почивалось?

– Спал как убитый, – пробурчал Владимир, отодвинувшись от края постели. – Ты чего поднялась в такую рань?

Мария с виноватым видом пожала плечами, промолвив в ответ:

– Я привыкла вставать рано. Меня к этому матушка приучила. Она всегда говорила мне, мол, кто рано встаёт – тому Бог подаёт.

– Что именно подаёт? – спросил Владимир, приподнявшись на локте.

– Удачу, счастье – что угодно, – с самым серьёзным видом ответила Мария, которая была очень набожной. – Господь не любит злых и ленивых, а ещё жадных и завистливых. Утренняя молитва самая действенная, поэтому, проснувшись, первым делом нужно преклонить колени перед иконой и помолиться. – Княжна присела на край постели, не спуская с Владимира своего влюблённого взгляда.

До венчания в храме княжна Мария и Владимир ночевали в разных помещениях, поскольку им надлежало соблюдать приличие. Спальня Марии находилась за стенкой, поэтому ей ничего не стоило проникнуть в опочивальню своего жениха хоть ночью, хоть на рассвете. Венчание Владимира и Марии было назначено на осень, ибо так постановила Мария Ивановна, мать Владимира. Невеста ей не приглянулась, поэтому между Марией Ивановной и Марией Александровной из-за этого испортились отношения. Мария Ивановна уже наметила в невесты сыну красавицу Кристину, дочь боярина Фёдора Воронца. Её не смущало то, что боярышня Кристина на четыре года старше Владимира. Марию Ивановну пленяла в Кристине её неотразимая внешняя прелесть.

Марии Александровне пришлось очень постараться, чтобы убедить Марию Ивановну не противиться браку Владимира с тверской княжной. Уступив натиску волевой вдовы Симеона, Мария Ивановна всё же сумела настоять на отсрочке свадебных торжеств до осени. Этим она тешила своё самолюбие, желая хоть чем-то досадить Марии Александровне и стоявшему у неё за спиной Дмитрию.

Ещё до появления в Серпухове тверской княжны Марии Фёдор Воронец дважды приезжал сюда с дочерью. Между Фёдором Воронцом и Марией Ивановной завязались обоюдные взаимоотношения, направленные к совершенно определённой цели – соединить брачными узами Владимира и Кристину. Казалось бы, к этому не было никаких препятствий. И вдруг всё разом изменилось. Между Владимиром и Кристиной встала некрасивая тверская княжна.

Владимира всё раздражало в навязанной ему постылой невесте: и то, как она разговаривает, и то, как она смеётся, и то, как она пытается острить... Фигура у тверской княжны была крепко сбитая и угловатая, её движения были неловкими, она могла споткнуться на ровном месте или потерять равновесие, спускаясь вниз по лестнице с верхнего теремного яруса на нижний. Влюбившись во Владимира сразу и по уши, Мария взяла себе за привычку, оставаясь с ним наедине, лезть к нему с объятиями и поцелуями, при этом в её неумелых ласках было больше жеманства, нежели глубокой чувственности. Природа властно влекла Марию к вкушению запретного плода, по этой причине она тайком проникала в опочивальню к Владимиру

ночью или на рассвете... Если бы Владимир захотел, то он мог бы запросто лишить тверскую княжну девственности, ибо она сама забиралась к нему под одеяло. Но в нём не просыпалось плотского влечения к Марии, так как от неё постоянно исходил тяжёлый запах пота.

Одежда, которую носила тверская княжна, тоже смердела, поскольку пот впитывался в неё, словно гнилостное испарение. Марии было достаточно один раз надеть на себя новое платье, чтобы сразу же пропитать его своим зловонием. Где бы ни появлялась тверская княжна, за ней неизменно тянулся шлейф неприятного запаха, и на это все обращали внимание, кроме неё самой. Крупный нос Марии обладал очень слабой чувствительностью, вернее, он легко различал ароматы благовоний и весенних цветов, но совершенно не чувствовал запах потной одежды и несвежего белья.

Мария Александровна безвыездно жила в Серпухове, по сути дела став полновластной хозяйкой в княжеском тереме. Она не скрывала от Марии Ивановны того, что намерена отравлять её жизнь своим присутствием до тех пор, пока княжна Мария не соединится законным браком с Владимиром.

Из Твери между тем приходили неутешительные вести. Василий Михайлович с племянником Еремеем Константиновичем по возвращении из Москвы в Тверь с грамотой митрополита на руках учинили настоящий самосуд над Тверским епископом и над сторонниками Михаила Александровича среди тверской знати. Слуги и дружинники двух этих мстительных князей творили дикие бесчинства, грабя двory неугодных бояр и купцов, насилуя их жён и дочерей, расхищая имущество и даже продав кое-кого в рабство.

Покарав своих недругов в Твери, Василий Михайлович и Еремей Константинович отправились наводить свои порядки в Вертязин, который достался им по решению митрополита. И тут-то нашла коса на камень. Ратники Михаила Александровича заперли городские ворота, встретив непрошенных гостей стрелами. Простояв под стенами Вертязина больше недели, Василий Михайлович с племянником Еремеем обратились за военной помощью к Москве.

Московский князь без промедления отправил к Вертязину пять тысяч воинов, которые по пути туда разграбили окрестности Микулина, нагрузив обозы всяким крестьянским добром. В результате московская рать взяла Вертязин приступом, после чего разграбила городок подчистую. Михаила Александровича в Вертязине не оказалось, не было его и в Микулине. Со слов пленных микулинских ратников выходило, что их князь ушёл в Литву к Ольгерду.

В Москве этому несколько не удивились, ибо Ольгерд Гедеминович вторым браком был женат на Ульяне Александровне, родной сестре Михаила Александровича.

Великий князь Гедемин перед смертью поделил Литовское княжество между старшими сыновьями Ольгердом и Кейстутом. Ольгерду достались восточные земли, Кейстуту – западные, пограничные с поляками и немцами. Братья крепко стояли друг за друга: идёт Кейстут против немцев, помогает ему Ольгерд; затевается распря у Ольгерда с кем-то из русских князей – рядом всегда оказывается Кейстут.

Давняя опасность, исходящая от немецких крестоносцев, захвативших Пруссию и земли куршей, объединила разрозненные литовские племена в единое сильное княжество. Непрерывная война с Тевтонским орденом сплотила литовцев и жемайтов, привила им вкус к дальним походам. Литовцы без труда прибрали к рукам Юго-Западную Русь, опустошённую Батыевым нашествием. Знатные литовцы выучили русский язык, стали одеваться в русские одежды, брать в жёны русских женщин, давать своим детям русские имена. Славянская речь звучала во всех уголках Литовского княжества, договоры и духовные завещания князя литовские составляли на русском языке. Сам Ольгерд пятерых сыновей от первой жены назвал православными именами.

В своих грамотах Ольгерд называл своё княжество Литовско-Русским, поскольку большую часть его населения составляли не литовцы, а славяне. Ольгерд любил рядиться в одежды эдакого освободителя русских земель от татарского ига и от засилья немецких крестоносцев.

Воюя на юге с татарами, а на северо-западе с немцами, Ольгерд и впрямь добился немалых успехов. Он отвоевал у поляков Волынь, а у ордынцев отнял Киев и Подолию. Было время, когда во Пскове сидел князем Андрей, сын Ольгерда, по просьбе самих же псковичан, изнемогающих под натиском Ливонского ордена. Приглашали и новгородцы к себе на стол кого-нибудь из сыновей Ольгерда, когда у них назревала война с ливонцами.

Прочно утвердившись в Полоцке, Витебске и Торопце, Ольгерд усиливал давление на Смоленское княжество, стоявшее барьером между Литовским княжеством и владениями Москвы. Литовцы упрямо цеплялись за городок Ржеву, расположенный в верховьях Волги. От Ржевы было совсем недалеко до Торжка и Волока Ламского, ключевых городов на большом торговом пути с новгородского севера на приокский юг. Хотелось Ольгерду взять под свой контроль и Волжский речной путь, поэтому ему была выгодна вражда между Москвой и Тверью, поскольку последняя всё больше тяготела к Литве, не имея сил одолеть один на один окрепшее Московское княжество.

В ноябре по первому морозцу в Тверь неожиданно нагрянул Михаил Александрович с литовскими полками. Его противники вели себя беспечно. Василий Михайлович пребывал в Кашине, а Еремей Константинович – в Вертязине. При этом их жёны и дети находились в Твери, поэтому они сразу угодили в заложники к разозлённому Михаилу Александровичу. Растерявшийся Василий Михайлович выслал навстречу литовскому войску, идущему на Кашин, своих бояр с просьбой о мире. Запросил пощады и Еремей Константинович, глядя на дядю. Михаил Александрович замирился с обоими, принудив своего дядю отказаться от прав на тверской стол. Василию Михайловичу был оставлен его прежний удел Кашин. Еремей же лишился княжеского стола в Вертязине и был переведён во Ржеву, которая находилась под властью литовцев.

Разобидевшийся Еремей при первой же возможности ускакал из Ржевы в Москву, пылая ненавистью к Михаилу Александровичу. В Москве советники Дмитрия понимали, что на этот раз победить Михаила Александровича будет очень нелегко, поскольку он опирается на литовскую ратную силу. У него под рукой Тверь, Вертязин, Микулин, Зубцов и Старица. То есть и собственно тверское войско может собраться в немалом числе.

– Война с Тверью нам не нужна, ибо крепостная стена Москвы ещё не достроена полностью, – сказал на совете Дмитрий. – Денег из казны на это строительство утекает очень много. Ежели ещё и войну затеем, тогда и вовсе без денег останемся.

Митрополит Алексей предложил призвать Михаила Александровича в Москву, дабы рас судить его с обиженными родичами мирным путём, как это было в случае с суздальскими князьями.

Было составлено письмо к Михаилу Александровичу, в котором говорилось, что московский князь не желает враждовать с ним, поэтому приглашает его в свой столичный град для полюбовного разбирательства вновь возникших разногласий. При этом Михаилу Александровичу давались гарантии неприкосновенности.

В Москве мало кто верил, что гордый Михаил Александрович откликнется на это приглашение. Однако тот всё-таки решился прибыть в Москву, подкупленный обещанием митрополита провести разбирательство не в узком княжеском кругу, но «на миру и по всей правде». Иными словами, митрополит должен был стать третьей стороной в споре между Михаилом Александровичем и московским князем, и на этом суде должны присутствовать как бояре московские, так и бояре тверские.

Глава четырнадцатая. Право и правда

Той же порой, когда Михаил Александрович силой утвердился в Твери, состоялось венчание в Серпухове Владимира и тверской княжны Марии. Молодых венчал местный иерей, еле стоящий на ногах от дряхлости. Сей обряд происходил в ветхой деревянной церквушке, пригнувшейся на взгорье близ бревенчатого княжеского терема, обнесённого тыном. Серпухов и городом-то было сложно назвать, с виду это была просто большая деревня, раскинувшаяся на Красной горке над сонной рекой Нарой при впадении в неё журчащей речки Серпейки.

Улочки Серпухова напоминали извилистые тропы, где с трудом могли разъехаться двое саней. Добротных домов в Серпухове было совсем мало, поскольку богатых бояр здесь не было, а купцы тут не селились из-за близости беспокойного окского порубежья.

Спустя несколько дней после венчания Владимир уехал в Москву, куда его вызвал князь Дмитрий. Владимиру непременно надо было присутствовать на встрече его двоюродного брата с честолюбивым Михаилом Александровичем. Вместе с Владимиром отправилась в Москву и Мария Александровна, на которую возлагались немалые надежды в деле замирения её беспокойного брата с московским князем.

Встреча Михаила Александровича и тверских бояр с юным Дмитрием и его приближёнными состоялась на подворье Чудова монастыря, заново отстроенного после недавнего пожара и пахнущего свежеобтёсанными сосновыми брёвнами. Две княжеские свиты расселись на скамьях вдоль стен напротив друг друга в просторной монастырской трапезной. Дмитрий и Михаил Александрович уселись на стулья с высокими спинками, между ними расположился в кресле с подлокотниками митрополит Алексей, одетый в длинную тёмную ризу, с высокой митрой на голове из чёрного бархата. Поверх ризы на груди митрополита висел большой серебряный крест. Правая рука седобородого Алексея сжимала посох с медным навершием в виде полумесяца, уложенного рогами вниз.

Михаил Александрович был облачён в длинное платно из фиолетовой узорной ткани. Это княжеское одеяние имело узкие рукава благодаря клиньям, вшитым в боковые швы, платно заметно расширялось книзу. По краю подола и по вороту платно было отделано багряной каймой. Широкий пояс на тверском князе сверкал золотом и драгоценными камнями, на груди у него лежала золотая цепь. На ногах были красные сапоги с загнутыми носками и с тиснёным передом.

Мужественное красивое лицо тверского князя носило печать надменной задумчивости, его длинные волосы были тщательно расчёсаны на прямой пробор, усы и короткая борода были аккуратно подстрижены. Взгляд его пронзительных тёмно-синих глаз то окидывал убранство скромно обставленной трапезной, то пробежал по лицам московских бояр, которые не смели встречаться взглядом с этим гордым и решительным человеком.

Рядом с могучим и широкоплечим Михаилом Александровичем юный московский князь смотрелся как-то невзрачно и совсем не мужественно. Да и одет был князь Дмитрий в обычное корзно, под которым виднелись белая льняная рубаха с узорным поясом и льняные порты, заправленные в жёлтые яловые сапоги. Ни драгоценного ожерелья, ни золотой диадемы, ни дорогих перстней на Дмитриии не было.

Среди приближённых князя Дмитрия находилась и Мария Александровна, сестра тверского князя. Она сидела на отдельной скамье рядом с Владимиром и Остеем. На этой же скамье сидел и отец Остея, литовский князь Фёдор Ольгердович.

Дмитрию хотелось, чтобы Михаил Александрович непременно обратил внимание на Фёдора Ольгердовича. Дмитрий знал, что тверской князь ищет подмоги против Москвы у Ольгерда. Так пусть он видит, что и на стороне московского князя тоже есть литовские князья!

Это заседание открыл митрополит Алексей, произнёсший длинную речь, в которой он призвал Дмитрия и Михаила Александровича, позабыв обиды, сплотить свои силы для противодействия Орде, которая слабеет год от года. Со слов митрополита выходило, что русским князьям нужно воспользоваться ордынской «замятней» и, не тратя сил на междоусобицы, постараться сбросить ненавистное татарское иго.

Поддерживая митрополита, Дмитрий тоже высказался за то, чтобы прекратить всяческие усобицы, поскольку рознь между русскими князьями на руку литовцам и Орде.

Выслушав владыку Алексея и князя Дмитрия, Михаил Александрович заметил, мол, он вообще-то приехал в Москву, чтобы урядиться миром со своими родичами, кои не желают видеть его на тверском столе.

– Кабы не помощь из Москвы, – молвил Михаил Александрович, – то родичи мои не осмелились бы подняться на меня и моих сторонников, не вынудили бы меня уехать за подмогой в Литву.

Здесь же на совете присутствовал и Еремей Константинович, который вскочил со своего места, не дав договорить Михаилу Александровичу.

– Ты первым начал точить нож на дядю своего Василия Михайловича, злыдень! – выкрикнул князь Еремей. – Твои люди укрепили валами и стенами городок Старицу на волжском плёсе вблизи от Твери. Понятно, с какой целью сие было сделано! Ты собирался из Старицы внезапно нагрянуть в Тверь, дабы изгнать оттуда своего дядю. И Вертязин ты тоже прибрал к рукам, негодяй!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.